

ЕСТЬ ЖУКОВ
И ПРИЧИНЯТЬ
ДОБРО

АЛЕКСАНДРА ПЕРШИНА

12+

Александра Першина

Есть жуков и причинять добро

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Першина А.

Есть жуков и причинять добро / А. Першина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Предки юной Ханы давно отчаялись в войнах и потерях, а потому обустроили быт под землей. Большинство ее близких чахнут в сырости от болезней и отсутствия солнечного света, но вряд ли когда-нибудь поднимутся на поверхность. Изгнанная приступом матери, она выбирается на землю в надежде найти помощь. Поверхность встречает девушку ледяными стрелами ливня, оставляющими синяки на коже, и нестерпимо кричащим ветром. Марс – юноша, воспитавший в себе уникальный талант к тончайшей эмпатии. Могущий почувствовать мельчайшие настроения и мысли людей по взгляду, пульсу, запаху. Его жизнь абсолютно нормальна, но выводит из себя отсутствием событий. Выросший на приключенческих романах, он отправляет свои рассказы речной почтой – заключенными в бутылки, без адресата, и злится на себя за пассивное ожидание. Возможна ли встреча людей из миров с разным, противоположным укладом жизни, и так ли сильно они отличаются?

Глава 1

Белоснежные прямые волосы до лопаток, брови, похожие на скопления снежинок, почти прозрачная кожа. В свои шестнадцать Марс ощущал себя младенцем. Глотая приключенческие романы и дивясь полной поступков жизни героев, он видел свою душу такой же белой, пустой, словно волосы на теле, лишённые какого бы то ни было пигмента. Сегодня, в день своего рождения, мальчик сбежал в обнимавший деревню тихий лес, еще посапывающий нежным, аккуратным шелестом листьев под легким ветром. Для этого нужно было просочиться через несколько комнаток со скрипящими половицами, однако делал это юный конспиратор так часто, что знал наизусть безопасные для родительского сна островки пола. Прикрыв за собой тяжелую, в форме арки, дверь, Марс рванул по дышащей спокойствием улице с небольшими, словно пряничными домами.

Рассветное солнце еще не забрезжило, уличные факелы влекли и пожирали ночных крылатых насекомых. Стоявшие вдоль песчаной дороги деревья начинали желтеть, и дома будто светились золотом, напитываясь им от огня и ярких листьев пористой побелкой.

Добежав до безопасной зоны, Марс постоял, тяжело дыша, уперевшись ладонями в колени. Дойдя босиком по шелковому ковру из мха, причмокивающего влагой при каждом шаге, до помеченного царапиной дерева, Марс затормозил. Он сбросил с окна и крышки мох, открыл ее и спрыгнул. Внутри было уже довольно светло, мальчик оглядел владения: небольшая комната, представляющая собой яму с несколькими вертикальными деревянными балками по периметру и двумя – в центре. Каждая – в середине поддерживаемой ею части. На потолке очерчивались два квадрата: один – деревянная крышка входа, второй – небольшое окно, которое являлось источником вдохновения Марса для создания этой землянки.

Несколько лет назад дедушка учил его «секретам»: нужно было вырыть маленькую ямку размером примерно три квадратных сантиметра, положить туда красивый камень с берега реки, цветок или бусину, накрыть крохотным стеклом и припорошить землей. Тепло растекалось по сосудам от знания о таком секрете, и тогда Марс решил: а почему бы не увеличить масштаб такой приятной тайны? Родители спокойно относились к его побегам в лес, ведь и сами они выросли, шатаясь по окрестностям и прося приключений и игр у лесных озер и могучих дубов.

Сложнее всего оказалось достать нужный по размеру кусок стекла, однако проблема решилась, когда окно соседа – дядюшки Тапио, разбила отправленная порывом разбушевавшегося ветра ветка дерева. Дело было за малым – незаметно умыкнуть оставшийся целым небольшой прямоугольный кусок. Марс строил убежище месяц, пропадая в лесу дозволенное время. Когда работа была закончена, мальчик наполнил секрет самым важным: полом служил толстый слой сена со старым одеялом поверх, кипа книг, глиняная миска для лакомств, которые удавалось стащить из дома. Целый угол отводился его хобби: в нем валялась гора бутылок, прозрачных, коричневых и изумрудно-зеленых, безымянных – из-под молока, и с этикетками – от сидра и бурбона. Также тонкой черной резинкой были связаны простые карандаши, а на белой кружевной салфетке высилась стопка коричневатых листков бумаги.

Глава 2

Хана вскочила с постели от гулкого грохота с верхней секции. По дышащим влагой стенам она поняла, что дождь шел всю ночь. Каждый житель их городка мог безошибочно определить ночную и нынешнюю погоду по влажности в помещении. С удивлением наблюдала она последние дни за реакцией кухни, приехавшей погостить из другого города, на устройство их жилищ.

Прошлое, проведенное городом в войнах, привело многочисленных ученых Гардасхольма к идее обустройства быта под землей. Их жилье представляло собой огромные подземные колодцы, поделённые горизонтальными перегородками на секции. Такие «норки» не отличались сильным размахом, но всё необходимое вмещали, а главное – скрывали городок

от посторонних глаз. С поверхности он казался обычным лесом с небольшими возвышавшимися глыбками, которые можно было принять за муравейники. Деревья свободно росли на территории, к фрагментам их корней, заходившим в норки, жители относились с уважением – периодически подкармливали, смачивали водой, а также использовали в своих целях – как предметы мебели, но не причиняя вреда.

Некоторые секции были приспособлены под фермы подземных насекомых, дабы обеспечивать население едой и не уменьшать их популяцию на территории. За десятилетия жизни в страхе люди здесь приспособились к жизни в весьма необычных условиях. Главной проблемой оставалась влажность, после дождливых дней стены жилищ были напитаны и просто сочились влагой, многие жители постоянно кашляли и чахли, и только после окончания дождей можно было проветрить и высушить норки благодаря тому, что все они сообщались отверстиями между собой, а самая верхняя – с поверхностью.

Перед выходом наверх жители обязательно надевали защитные очки, представлявшие собой стёкла со специальным напылением раствора пигментов жуков кошениль, защищавшим глаза от интенсивного непривычного света. В противном случае человек терял зрение на несколько часов. Да и находиться на поверхности могли далеко не все.

Этим утром мама заставила Хану показать Мие окрестный лес. Девушка ненавидела подниматься, но тяжелый, усталый взгляд матери и чувство долга перед кузиной заставили её накинуть плащ и нацепить на нос очки, а вторые вручить сестре. На недоуменный скептический взгляд ответила:

– Как бы прискорбно для тебя это ни звучало – ты уже почти одна из нас. За пару дней глаза немного отвыкают от солнечных лучей.

Мия только закатила глаза, но не поверить осторожной сестре не могла.

Они поднялись по деревянной лестнице с -3 этажа, попутно приветствуя соседей, и оказались в лесу. От резкого запаха смол у девочек закружилась голова, ветер словно давал пощечины. Такими ощущениями всегда встречала поверхность Хану, чувство тревоги, беспокойства её не покидало. Лёгкое дуновение хлестало её по коже, а яркие лучи, казалось, звучали: вокруг стоял панический крик, прогоняющий из леса, преследовавший девочку последними цепляющимися лучами, когда дверь люка, ведущего в колодец, закрывалась. Мышцы ног сдали, задрожали, заставив Хану осесть на землю, зажмурившись и зажав уши ладонями.

Просидев так примерно полминуты, девочка услышала сначала далёкий, а постепенно всё приближающийся голос Мии:

– ...вочка моя. Малышка, всё будет хорошо, всё будет хорошо, нужно просто привыкнуть, – голос кузины звучал на удивление мягко, спокойно, рука гладила плечо Ханы, еле прикасаясь.

– Вот в чём дело, – Хана предохранительно сощурила распахнутые в панике глаза. – Никогда ещё так быстро не успокаивалась.

– Идём, никогда не видела такого необычного занимательного леса, – сестра усмехнулась Хане.

Девочки поднялись, Мия приобняла Ханну, и они шаткой походкой зашагали в сторону шумящей быстрой реки. Воздух все также бил, солнце кричало откуда-то издалека, природа нагоняла тревогу своими нервирующими яркими красками, резкими движениями, однако уверенность, исходящая от кузины, заставляла двигаться вперёд.

Мельком, но очень цепко и внимательно, Хана посмотрела на сестру. В сумеречном освещении подземелья не было видно её яркой внешности: яркие, слепящие рыжие волосы, серые умные глаза, ямочки на напряженных щеках даже при отсутствии улыбки. Пытливый взгляд тянулся к выраженным чертам, хотелось долго ощупывать взглядом, привыкать. Её соседи носили белые или мышьиного цвета волосы, кожа серая, обвисшая, при редком прямом свете – с голубоватым оттенком. Хотя жители города были деятельными, вдумчивыми и целый день

хлопотали для улучшения и поддержания быта, глаза не светились жадой и любопытством. Да и в глаза смотреть эти люди не любили.

Вечером Мия покинула их уютное безопасное место. Несмотря на возраставший к сестре интерес, у Ханы с плеч свалился огромный булыжник, так как возмутители спокойствия больше причиняли ей боль, нежели заставляли проявлять любопытство. Морозящий во время отъезда кухни дождь к ночи перерос в мощный ливень, влажность в их с мамой комнатке нарастала. Достаточно было провести по воздуху рукой, чтобы она стала мокрой, только что глазу ещё не были заметны подвешенные мельчайшие капли. У Берге, её мамы, усилились приступы кашля, на своей компактной кровати она лежала, опустив ноги на пол, покрытая потом и сыростью. В кровати всё смешалось: противные на ощупь простыни, крупные складки длинной юбки, мамины платки, несколько высоких подушек и крохотное, корчащееся, исходящее тихим кашлем существо.

Ком какого-то нового ощущения стоял в горле у Ханы. Отвар трав, который применяли обычно жители в таких случаях, потерял всякий эффект. Чувство собственной бесполезности не давало покоя, девочка судорожно думала: огонь можно было разжигать только в объявленное время, о котором все жители были осведомлены, соседи ничем бы не помогли маленькой семье, так как в данную минуту в половине комнаток происходило то же самое. Ещё никогда приступы не были такими сильными, и хаос в голове Ханы погнал её наверх – она открыла деревянную створку их двери с маленьким отверстием в форме сердца на уровне глаз и пролезла в общий вертикальный ход с вделанными в одну из стен стальными скобами, служащими лестницей. Порывистыми движениями, дрожащими руками с ледяными пальцами она хваталась за скобы и не заметила, как оказалась на траве. Закричав от поразивших её с огромной силой ледяных стрел, Хана закатилась обратно в колодец, чудом зацепившись за металл и не рухнув в проход, и захлопнула за собой створку колодца.

Глава 3

Переделав все свои дела в лесном убежище, Марс направился к дому. Уже виднелись между деревьями пухлые, нахлобученные крыши домиков, когда мальчик услышал треск сломанной ветки на дереве слева.

– Крендель! – крикнул Марс мягким голосом и присел в тень огромной сосны, прячась от раскошегарившегося к полудню сентябрьского солнца.

Вся живность в округе городка мальчика не боялась, ведь он бегал туда каждый день с шести лет. Белка резко повернула голову на звук, оранжевая спинка блеснула на солнце, и в следующее мгновение Крендель уже сидел, цепко ухватившись коготками за бедро Марса. Из набедренной небольшой серо-желтой сумки мальчик достал несколько заранее приготовленных шариков из пшеничного хлеба, по очереди вручил Кренделю и аккуратно погладил двумя пальцами по уже начинавшей терять яркость шерстке. Шустро спрятав шарики за щеки, Крендель сощурил глаза от удовольствия и удалился восвояси.

Повидавшись с приятелем, Марс помчался в сторону дома. Желудок исходился голодными спазмами в предвкушении праздничного обеда. Вдали слышался шум реки, бьющейся о пороги, а значит, сейчас покажется знакомая улица с домами в глазурированных шапочках. На улицах уже в разгаре была дневная суета: торговцы расхваливали свежие овощи и ароматные орехи в кленовом сиропе, пара шарманщиков утомленно «крутили свою баранку», а женщины петляли между домов по хозяйственным делам шустро, словно рыбки, которых пытаются поймать голыми руками дети. Вскочив на крыльцо, Марс толкнул тяжелую дубовую дверь, залетел в просторную залу, служившую одновременно и прихожей, и гостиной, и столовой, и тут же оторопел.

Крупный крепкий стол был накрыт скатертью, плотной и белой настолько, что слепило глаза. На ней стояло несколько горшков и противней с окуном, фаршированным лимонами и петрушкой, куриными ножками в сыре и сливках, ещё дымящийся пирог со шпинатом и тво-

рогом, а также клубничные булочки, и самое главное – высокий торт из вафельных коржей, пропитанных сметаной и сгущенным молоком. В кувшинах дожидался именинника домашний сидр и свежавыжатый апельсиновый сок. Однако не ломящийся любимой едой стол поразил мальчика – устраивать грандиозные обеды было давно укоренившейся семейной традицией, а отсутствие другой важной их составляющей – людей. За бившим из громадного окна светом он увидел лишь силуэт матери, сидящей к нему боком: тонкое, изогнутое в форме эмбриона тело, руки, лежащие на столе с опущенной на них головой в чепце. На спине густая волна длинных распущенных волос, отдельные завитки которой выбивались тут и там из общей массы. На шум открывшейся двери головы она не подняла, и Марс, подойдя, аккуратно положил ладонь на спину. Эир вздрогнула, резко выпрямилась и взглянула на сына. Марса словно огрели тяжелым мешком муки по голове, а внутри что-то ухнуло до самых пяток. Её крохотные, изящные черты лица, казалось, ещё уменьшились. Светло-зеленые глаза с длинными ресницами, прокрашенными коричневым пигментом, между серповидными волосинками виднелись желтые корочки, а ниже зияли тёмно-серые круги. Маленький округлый рот был напряжён, губы поджаты. Верхняя часть светлых, слегка золотистых волос, неряшливо и торопливо была убрана под чепец, а пряди, струящиеся спереди по плечам, изобиловали спутавшимися узелками. Выражение глаз спросонья ещё не успело ни о чём сказать, и было тут же взято под контроль бдительной Эир.

– Что случилось, мама!?! Ты плакала? Где папа? Гости? Вы решили на этот раз никого не приглашать? – засыпал вопросами испуганный Марс.

– Без паники, котик. За твоим отцом приехали и забрали на дипломатическую миссию. Самое главное, что ты сегодня родился. Гостей мы предупредили об отмене празднования, так как решили, что без папы тебе это будет не в радость. Но мы и вдвоём с тобой повеселимся, что думаешь? – Эир заговорщически подтолкнула его локтем в бок и тепло улыбнулась, лицо её преобразилось.

– Всё как всегда секретно?

В ответ мать лишь подмигнула и выскользнула в кухню освежиться после тяжелой дремы на твердом столе.

По возвращении она разлила по стаканам сок, а Марс положил обоим по кусочку курятины и пару половников пюре. Марс рассказал о делах в лесу, последних своих рассказах и встрече с Кренделем, они обсудили городские новости. Посмеялись над котами, вчетвером пытавшимися уместиться на каменной полке над камином. Из-за того, что та хорошо прогрелась и долго сохраняла тепло, животных тянуло к ней как магнитом. Марс изо всех сил держал маску праздничного настроения и поддерживал весёлый, взаимоподдевающий остроумный диалог, но мысли его были уже далеко, а еда не имела вкуса.

После обеда они с Эир набрали из колодца таз воды для мытья посуды, и в густой пене Марс оттирал пустые тарелки, а мать натирала до блеска вафельным полотенцем. Солнце уже клонилось к земле и освещало моющих посуду мягким розоватым светом, а теплый ветер приятно гладил кожу. Они любили делать домашнюю работу вот так, на крыльце, брызгая друг друга и повсюду преследовавших котов водой и смеясь, болтали и делились событиями дня. Так в доме поддерживался дружеский, доверительный микроклимат. Однако тревожное предчувствие пульсировало под ложечкой: доверие доверием, а до конца родители не могут позволить себе быть честными с мальчиком, даже когда дело касается всей семьи.

Завершив рутинные вечерние ритуалы, Эир и Марс разошлись по спальням, однако у молодого человека с оскорбленным чувством собственного достоинства сна не было ни в одном глазу. Двери в спальни закрыты не были и мальчик своим чутким, натренированным в лесу слухом, улавливал, как Эир ворочается в постели. Скорость дыхания её постоянно изменялась. Марс знал, что если быть достаточно внимательным, растворившись, превратиться в ощущение, то можно понять о человеке многое: состояние, настроение, эмоции, даже при отсутствии внешних проявлений. Он просто внимательно наблюдал, пусть даже не задействуя зрение,

наблюдал за своими ощущениями, и состояние передавалось ему, словно запах. По скорости дыхания Эир было ясно, что внутри у неё происходят сражения, она то ищет компромиссы с совестью, то успокаивает себя и затихает. А затем ее обуревают туча сомнений, и напряженный мыслительный процесс гудит для Марса в тихой осенней ночи как рой ос.

Наконец, Эир провалилось в небытие, ибо в воздухе повисла тишина, энергия напряжения испарилась, и уже слухом уловил мальчик мерное сопение. Откинув одеяло, Марс рывком сел в постели. Хотя в их семье домашний очаг, традиции совместного времяпрепровождения, создание уюта были основополагающими принципами жизни, Марса никогда сильно не привлекала заикленность на доме. Родителей он очень любил, любил и делать домашние дела в веселой болтовне и ребячестве, но чувство, что при его уходе лица дорогих людей меняются, и разговоры далеки от обсуждения предстоящей рыбалки и предвкушения свежайших трубочек со сливками на улице Гроз. А потому мальчик не мог полностью оценить прелести пахнущей лимоном, тёплой, топящей в себе постели, успокаивающего тиканья часов, только добавлявших беспокойства об отце. Они были сделаны вместе с папой в раннем детстве Марса, и каждый час вместо кукушки изрыгали клоуна, бьющего в тарелки, однако вместо звона звучала нота, каждый час разная. Ангард разбирался с механизмами, а малыш тем временем лепил и раскрашивал цирковую фигурку. Глядя теперь на неровное лицо с расплывшейся улыбкой, Марс проглотил поднявшийся было к горлу ком. Даже успокоившееся дыхание матери не заставило мальчика устроиться поудобнее, изнутри словно что-то кололо его выйти к реке и подышать освежающим ночным воздухом.

Надев свои льняные брюки прямо на пижаму, и, сильно не затягивая ремень, не завязывая шнурков на ботинках, и не забыв своей компактной сумки, он выскочил в ночь прямо через окно комнаты. Зайдя в кладовую, отрезал крупный ломоть сыра, и, обмакнув его в малиновое варенье, выдвинулся к прохладной, уносящей тревоги реке.

Он любил свою реку всей душой. Як был бурным, ярим, со множеством порогов, а вода леденила до костей. Он находился совсем недалеко от дома, а потому часто прибежал на берег и с утренней чашкой чая, и с книгой перед сном. Шум воды и созерцание стремительного, изумрудного потока вдыхало в него жизнь, а когда мальчик решался время от времени опустить голову в воду, его накрывала свежесть, и можно было почувствовать, как щекошет мозг рой новых мыслей. Мутные равнинные реки ассоциировались с болотом, застоявшимися ленивыми рыбешками и зловонными водорослями, а Як, несмотря на отсутствие в рельефе возвышенностей, проявлял стремительный, горный темперамент. Какое-то время Марс постоял, закрыв глаза, слушая плеск и смакуя солоновато-слакое сочетание сыра с вареньем, на первый взгляд полностью умиротворенный. Однако, когда юноша поднял веки, его зрачки жестко блеснули, а выражение лица не походило на наслаждавшееся ночным покоем. «Больше это не повторится. Не повторится».

Глава 4

Поняв, что снаружи хлещет дождь, Хана разочарованно выдохнула, и выдох её распался на множество фрагментов от сотрясающей дрожи. Девочка вновь поднялась по скобам к выходу и присела на одной из последних. Нужно переждать дождь, но ради чего? Чем поможет она изнемогающей от болезни матери, если переступит через себя и выйдет наверх, в ночь? Односложные после испуга мысли блуждали и кувыркались в её голове, пока не пришёл ответ: даже нахождение наверху казалось меньшим из зол по сравнению с беспомощностью у постели дорогого человека. «То есть ты, попросту, трусиха» – пронеслось, но эту мысль она отmelda и прислушалась к происходящему вокруг. Капли больше не гремели за дверью, и завывание ветра почти сошло на нет.

Закутавшись поплотнее в длинный, до колен, тёмно-зелёный свитер, Хана приподняла дверь и высунула голову. Уже становящийся привычным гвалт ударил по чувствительной девушке со всех сторон. Но паника и головокружение были ожидаемыми, и девочка сразу после

открытия створки перекинулась через низкий борт колодца по пояс и бухнулась в траву в тут же натянутом капюшоне, с зажмуренными глазами и указательными пальцами, закрывающими уши. Вспомнив недавнюю прогулку с сестрой, девушка попыталась упорядочить дыхание и воспроизвести ее образ как можно отчётливее. «Всё будет, хорошо, крошка, у тебя получится», и Хана вместо ветряного хлыста ощутила прикосновение руки. К шуму она привыкала во время редких выходов довольно быстро, солнце давно село, оставив пока последние свои лучи во избежание полного погружения мира во тьму. Так что самым сложным оставался ветер. Прележав несколько минут, изо всех сил напрягая воображение и преобразуя хлесткие удары по щекам в успокаивающие прикосновения Мии, девочка стала в состоянии двигаться, туман в мыслях рассеялся. Подводило только бешено колотящееся сердце. Достав оставшиеся в люке ватные ноги, Хана приподнялась и закрыла крышку. Адаптация на этот раз шла рекордными темпами и вскоре девочка уже сидела, подогнув под себя ноги, а затем и начала вставать. Помимо сверхобостренных болезненных ощущений от окружающего мира и парализующего страха перед ними, жизнь под землей наградила жителей Гардасхольма крайней слабостью в результате гиподинамии. А потому Хана радовалась тому, что перед тем, как сделать первые шаги, упала на подогнувшихся коленях всего два раза.

Перчатки промокли, но снять их решимости пока не хватало, и девочка заковыляла по направлению к рёву реки. Так редко поднимавшиеся на поверхность гардасхольмцы чувствовали себя запуганными зверьками. Но в природе их уже стёрлось желание относиться к этому критично и как-то исправлять, так как в черед поколений с развитием подземной жизни необходимость выходить всё уменьшалась, а укоренившиеся убеждения заставляли закрывать глаза и на проблемы со здоровьем, и на некоторые лишения.

Дойдя до звука реки, по громкости переносимого для Ханы, она решила пойти параллельно береговой линии. По уровню шума она ориентировалась как по компасу.

Стояла тихая ночь, но не для девочки. Однако ветер совсем успокоился, а с неба уже не падали даже редкие остаточные капли. Возвращаться домой не хотелось совсем, а потому в прострации Хана брела очень долго, не замечая уже ломящую спину и дрожащие от слабости колени. Её организм всё же совершал усиленную работу по приспособлению к ощущаемому, а потому звук реки постепенно становился менее невыносимым, и Хана не заметила, как отклонилась от курса на расстоянии от воды и приблизилась к самой береговой линии. Тут со сплошной, спокойной полосы леса она резко перекинула взгляд вперёд и вздрогнула. На расстоянии нескольких десятков метров над рекой чернела огромная тень. Рассмотрев, девочка поняла, что это мост. Их она видела только в книгах сказок и никогда не подозревала, что предки допустили существование лишнего подхода к их городку. Он располагался не привычной дугой над водой, а лежал дорогой прямо по её глади. Его мотало от течения реки, но мост был довольно плотно и добротнo сбитым из красноватых брёвен. Иногда брызги и даже небольшие волны окатывали деревянную поверхность. Незнакомое чувство защекотало в животе у Ханы, чувство, заставившее её двинуться вперёд, жадно вперившись глазами в загадочное приспособление. Она всегда слышала, что из существования связей с вражеским миром ничего хорошего не получится, а мост был одним из главных символов соединения и общения. Подступив к самой переправе и начав шепотом критиковать мелькнувшую лихую мысль шагнуть на колеблемые течением брёвна, Хана чутким сумеречным зрением уловила, как незамеченное ею сначала тёмное пятно распрямляется в небольшой силуэт, от которого исходит яркий, такой громкий и открытый голос:

– Кто ты? Ты из Тахиярви? Почему так позд...

Поняв сразу, что это человек, и, по тому, как он встал и расправился, стало ясно, что человек не её крови, в голове будто стала разверзаться пропасть, от чего Хану подкосила пульсирующая боль. От зычного голоса вокруг будто закричали сирены, всё начало темнеть и завершилось крепким ударом по лбу.

Глава 5

Впервые Марс пожалел о своей такой развитой способности к сопереживанию. Сидя на найденном мосту и покачиваясь как на легких качелях синхронно с потоками воды, Мальчик издали заметил жутковатый силуэт девушки и сразу почувствовал что-то неладное. Длинные волосы свисали равномерно во все стороны, включая лицо. Движения сочетали осторожность и дерганность маленького трусливого зверька, и неуклюжесть и неловкость медведя,двигающегося по скользким камням в неглубоком месте реки. Замерев и превратившись во внимание, Марс услышал частое бормотание, заметки себе под нос, оставляемые странной незнакомкой. Когда девушка, наконец, подошла к переправе, мальчик объявился и глаза их встретились, его словно молнией поразило: он увидел в глазах полное непонимание, ярость бессилия. Колени его подкосились от окружившего их гула, а затем нить осознанности стала ускользать: девочка теряла сознание, покачнулась и рухнула головой вперед, лицом на мокрые брёвна.

Мальчик рванул к ней, перевернул на спину. Вышедшая луна залила светом распростертую фигуру. Длинные волосы распластались вокруг головы широким ореолом, однако они почти не имели цвета – темно-серая, тусклая масса. Такого же цвета были брови и ресницы на ничем непримечательном лице. Все черты лица были крохотными, а кожа максимально бледной, отливавшей голубизной. Одна сторона лица, на которую, видимо, пришлось столкновение с мостовой, была испещрена мелкими царапинами, словно заштрихована красным карандашом. Из-под широких рукавов свитера выглядывали лишь длинные изящные пальцы. Из-за худобы и особенно цвета кожи девочка казалась прозрачной, неустойчивой. Марс, рассмотрев незнакомку, заключил, что непонятно ничего. Опомившись, он зачерпнул ладонями ледяной воды из реки и разжал сомкнутые ребра ладоней над лицом девочки. Вода мгновенно скрылась в массе волос, и лицо Ханы искривилось беспокойным и прерывистым, едва слышным вдохом, она распахнула глаза.

Ее реаниматор поспешно забормотал успокоительным тоном:

– Меня зовут Марс, я из Тахиярви в нескольких километрах отсюда. Скажи мне чем ты так напугана, и я постараюсь помочь. Не волнуйся, я не причиню тебе вреда, – он чувствовал себя как масло под острым настороженным взглядом, быстро скользящим по лицу, одежде. Однако взгляды их не встретились, девочка избегала зрительного контакта. Её внимание аккуратно проскальзывало мимо его голубых дружелюбных глаз.

– Расскажи, из каких же земель ты попала сюда, такая загадочная и падающая в обморок при виде человека. Или ты нездорова? Могу ли я чем-то помочь тебе, докуда-то довести или принести каких-нибудь лекарственных трав?

Хана не могла поверить в происходящее. Их потряхивало на мосту, лицо жгло огнем, в основном от повышенной восприимчивости мокрой кожи к ветру. Она промокнула лицо свитером, а затем провела рукой по щеке – та была испещрена неровностями и болезненна. Но Марс интуитивно снизил громкость голоса примерно вдвое. Его голос был настолько примиряющим, не взвинченным суетой, такого Хана никогда не встречала, и по венам её разлилось непривычное тепло.

Иногда всё же настороженно косясь на мальчика, девочка начала рассказывать, что она из подземного города, что с природой, солнцем и небом сталкивалась несколько раз за всю жизнь, к реке подошла впервые. О повальных болезнях и умирающих жителях говорить не стала этому яркому, покрытому налётом солнца олицетворению надземной жизни, однако немного посвятила в их быт.

– Ферма насекомых!?! – Марс, сидевший, обняв колени, откинулся на спину, не отпуская их, и вернулся в то же положение.

Свой рассказ Хана вела сбивчиво, то ускоряясь, то замедляясь, и ни разу не подняв глаза. Восторг мальчика заставил её забыть и с улыбкой встретиться глазами, и тут внутри Марса кольнуло ледяное лезвие. Глаза собеседницы зияли отсутствием жизни, ни намёка на блеск и

интерес. Девочка всю жизнь провела под землей, откуда взяться её внутренней жизни, если снаружи окружали лишь стены и тепличные условия. Марс подавил внутренний холод соперничества и невозмутимо продолжил слушать.

Громкий всплеск нарушил мерное течение их беседы. Увесистая туша, блеснув чешуей, тяжело шмякнулась об дерево моста и затрепыхалась. Хана вздрогнула и обмерла, тупо смотря на задыхающуюся рыбу и не будучи в силах что-либо предпринять, даже как следует испугаться. Марс сразу отметил упитанность сига, подошел к рыбе, и, подхватив руками склизкое вырывающееся тело, сначала опустил на несколько секунд в воду, а затем повернул в сторону девочки, вопросительно глядя на нее. Хана коротко кивнула. Марс поднес рыбу к ней, и девочка провела пальцем по спине животного. Лицо ее на пару секунд скривилось, а затем загорелось таким любопытством, что сиг, казалось, вот-вот поджарится под ее взглядом.

Шальная мысль мелькнула в голове у безобидного повесы, и, не дав себе успеть засомневаться, Марс опрокинул рыбу на ноги сидящей девочке, глаза которой расширились. Она вскочила, смеясь. Бедная рыба, отскочив, упала в воду, и смех сменился плачем от переполнявших эмоций.

Успокоившись, но еще не будучи в силах осознать происходящее последние несколько часов, Хана подняла голову. Они встретились глазами второй раз за встречу.

После Марс огляделся и спустился на траву. Хана следила за тем, как он рвёт листья, а затем, вернувшись, кладет их перед ней.

– Это настурция и мать-и-мачеха, настаивай в кипятке и давай пить матери отвар. Должно стать легче. И мне кажется, я мог бы пораскинуть мозгами о решении беды с влажностью в ваших домах.

Девочка неловким движением озябших пальцев затолкала листья в огромный карман свитера на животе и шепотом произнесла «спасибо», тут же унесенное легким дуновением ветра и не успевшее достигнуть ушей Марса.

– Я приду сюда завтра в случае спокойной погоды. Ты, судя по всему, контактируешь с окружающим миром постоянно, было бы интересно послушать об устройстве твоего города.

Новые знакомые попрощались и разошлись в противоположные стороны вдоль берегов. Оба испытали сильнейшее потрясение. Марс всегда считал свою жизнь даже не серой, а белой, абсолютно чистым, наивным, бессмысленным существованием. Однако сегодня открыл, что на свете есть как минимум один человек, для которого прикосновение к покрытой росой траве, контакт с рыбой из реки, мимолетная встреча глазами – самые яркие впечатления, новые точки отсчета. А сильный ветер и солнечный свет – пока что и вовсе непосильная ноша. Сильная способность к эмпатии помогала мальчику понять новую знакомую. Во время прикосновения к рыбе в бесцветных глазах на долю секунды сверкнул такой вихрь восторга, бывший не в силах удержаться внутри и поджегший заодно и Марса. Она была словно инопланетянкой или младенцем, выстраивающим вокруг себя мир с нуля. А мальчику захотелось с большим терпением отнестись к своим сиюминутным требованиям подвигов и меняющихся направлений вращения планеты открытий. Захотелось притвориться младенцем и заново открыть для себя эти простые, давно потерянные эмоции. Поделиться ими с Ханой, бережно, без ветряных ожогов, оглушения солнцем, эмоциональных перепадов. Помочь выстроить отношения с миром, а после этого и заниматься основанием собственного, внутреннего. А подвиги – не всегда спасение сотен людей от бедствий и драконов, как в его книгах. Иногда куда важнее осмотреться вокруг, протереть глаза и великие дела не заставят себя ждать.

Марс был настолько взбудоражен по приходу домой, что спать не хотелось даже отдаленно. Взяв из миски с фруктами на столе зеленое яблоко размером с пол его головы, отправился к реке. Умывшись ледяной водой, растянулся на покачивающемся понтоне и откусил кусочек кислого фрукта. Тут же рот заполнился острым, свежим и ароматным соком, и ему показалось, что и в душе сейчас растекается похожее по вкусу ощущение. Пережитое за день

дало о себе знать, и в полудреме Марс смутно отметил, что зеленый тяжелый шар вырывается из пальцев и мчится по доскам понтона в воду, но поделаться с этим уже ничего не мог.

Этой холодной ночью на жестком дереве мальчику снилась погоня от огромного динозавра. Это было чудовище высотой около четырех метров, с саблевидными коричневыми зубами, свисающими со всего тела ошметками кожи и мощными задними ногами, преодолевшими за один шаг расстояние примерно такое же, как человек за несколько секунд спокойной ходьбы. Несмотря на кажущуюся свирепость существа, Марс не испытывал страха и отчаяния, а наоборот, бежать от гиганта казалось аттракционом, так будоражаще-весело ему было. Конечно, разница в размере не оставила мальчику шанса оторваться, убегая от динозавра, и он, все так же смеясь, был подхвачен челюстями и мягко приземлился на скользкий язык. Марс попытался укрепиться стопами между вкусовыми сосочками и встать, но мощная, как водопад, волна слюней сбила его с ног и отправила напрямик в широкое черное отверстие глотки. Впервые ощутив вкус свободного падения, летя вместе с потоками жидкости по пульсирующему пищеводу, мальчик резко погрузился в теплую жидкость желудка. Орган был полон воды, и кожу не обожгло соляной кислотой. Поняв это, Марс сначала приоткрыл, сощурившись и проверяя, а затем и распахнул глаза. Недостаток кислорода почему-то не давал о себе знать, и подросток мог осмотреться без суеты. Если отбросить мысль о его местонахождении, окружающее поражало воображение: розоватая жидкость медленно двигалась по кругу как в водовороте, легкие пузырьки газа кружили и подсвечивались во время открытия входа в пищевод едва уловимыми частичками света во время глотания динозавра. Эти блестящие шары так и манили Марса, и, подплыв к одному из самых крупных поблизости, мальчик дотронулся до него подушечкой пальца. Сию секунду его тело будто окатило кипятком, и нахождение в жидкости напомнило о себе удушьем. Картинка вокруг почернела и прояснилась уже в ледяной воде рядом с понтоном. Марс среагировал молниеносно и схватился за его край, подтянулся из обжигающе ледяной воды и плюхнулся на твердую поверхность, от облегчения не почувствовав удара. Положив лицо на такую приятную древесину и погрузив нос в щель между досок, ощутил, как ручейки воды стекают, щекоча бока, бедра и шею, на понтон и разразился громким, ошарашенно-счастливым смехом, смешанным с плачем. «В следующий раз, когда захочется просто поваляться на понтоне, не мешало бы на всякий случай привязывать себя к нему за щиколотку веревкой», – усмехнулся про себя подросток.

Солнце было уже на половине пути к зениту и приятно пригревало покрытую ледяной влагой кожу. Рывком Марс поднялся и, пошатываясь, нетвердо, но решительно направился в сторону дома в мыслях о жестком сухом полотенце и горячем завтраке Эир. Войдя в их объединяющую прихожую и столовую с гостиной комнату, мальчик застал мать за приготовлением омлета с томатами, и только теперь колени подкосились от акульского голода и соблазнительного запаха. Жалостливая физиономия «так уж вышло» и худое трясущееся тельце сына заставили Эир обойтись сочувственной усмешкой и красноречиво поднятой правой бровью, после чего женщина выключила огонь и ушла в спальню за полотенцем и одеялом. Замотав сбросившего мокрую одежду сына в двухслойный кокон, подвела к креслу. Обездвиженный одеяльный шар погрузился в него благодаря легкому толчку указательного пальца Эир.

Затем женщина стала растапливать камин, что обычно происходило по вечерам, но сейчас в кресле лежала стучащая зубами причина сделать это вне графика. Взбудораженные предвкушением этого коты стали тереться об её ноги, мешая ходить. Эта активная пушистая четверка вечно создавала тесноту и смешную давку вокруг занятого чем угодно человека в доме. Фаворит Марса – Трюфель, черный непоседа с белой грудкой и носочками, в минуты игр и вовсе становился похож на безбашенного лабрадора. Природа наградила его заячьей губой, а человек – отсутствием одной лапы. Трюфель сам нашел семью Марса и покорила ее мгновенно. От его живости дух захватывало, кот стал рекордсменом по прыжкам в высоту на любую нужную ему поверхность. Когда же Трюфель садился и следил за природой, будь то копошащаяся в

кустах птица или плывущие с большой скоростью облака в ветреные дни, выражение его морды можно было наблюдать как фильм: постоянно меняющаяся картинка, пронизывающий, удивленный взгляд, подергивающаяся в возбуждении брыля. Неудачный опыт общения с людьми не подкосил его любвеобильность. Когда кот сворачивался клубком на груди у одного из своих людей, включался громкий мурлычащий трактор нежности и доверия. Из клубка только показывалась передняя лапа с растопыренными пальцами, глядя оказавшуюся под ними часть большого теплого человека. Так и вышло, что у существа с ярким характером и цепким умом по канонам тяжелая судьба, но теперь для него нашелся настоящий дом и те самые люди.

Остальные трое были папой и двумя годовалыми сыновьями. Они обладали эффектной, густой и пушистой шерстью цвета готового начать таять, серовато-белого снега, холодно-голубыми глазами и крошечными, едва заметными кисточками на ушах. Это были по-настоящему домашние, беззаботные весельчаки, олицетворявшие собой грацию и мягкость. Когда Варди появился в доме Эйр и Ангарда четырнадцать лет назад, влюбленные поначалу пугались привычки кота подкарауливать у дверного проема человека, выходящего из соседней комнаты, прыгать ему на грудь и оплетать шею передними лапами в объятии. Но скоро привыкли и не сильно удивились, когда привычка передалась его котяткам – Олаву и Бо.

Теперь четверо зачастую передвигались по дому всей толпой, и любой переход кого-либо из членов семьи в другую комнату превращался в целую процессию.

Тем временем Марс сбросил с себя только устроившийся и успокоившийся пушистый ком, высвободился из внешнего слоя кокона и, обернутый в полотенце, подогнув под себя ноги, уселся напротив дымящейся тарелки. Вместе с Эйр они завтракали и пили черный чай. По дому разливался неспешный разговор. История о сне на понтоне и падении с него вызвала у мамы море смеха и каплю сочувствия. О походе к мосту и разорвавшей в клочки его прежние взгляды встрече мальчик случайно забыл упомянуть. На вопрос об отце Эйр не ответила ничего определенного и сумела сохранить безмятежное состояние или его видимость. Лишь движения ее слегка ускорились, включая и движения глаз.

Тончайшая способность к восприятию состояния всех живых существ привела мальчика к весьма печальным выводам: встречающиеся на его пути люди строили свое поведение, словно плетя паутину, продумывая каждый шаг, каждую реакцию окружающих. Свободными от притворства были только животные, и, кольнуло Марса осознанием – Хана. Страх ее был всепоглощающим, физическим, реальным. Она боялась действительно угрожающих ее жизни и здоровью вещей, но что касается психологических страхов, она была чистым белым листом, открытым миру и проявляющим настоящую себя. Чтобы убедиться в этом, достаточно было вспомнить то, как обычно пустые, отведенные в сторону глаза засияли в комичный момент встречи с рыбой. И учитывая то, в каких жизненных обстоятельствах росла Хана, она проявляла немыслимую смелость в желании подниматься на поверхность, несмотря на риск сильных ветряных ожогов, постоянной потери сознания от выглянувшего из-за тучи солнца или неожиданного звука. Интерес к чему-то большему, а также боль любимого человека гнала ее на поиск.

Окружавшие же люди из-за ранимости, разности воспитания, характеров, обжигающего опыта подстраивались друг под друга, так или иначе становясь похожими, загубившими самобытное восприятие. Душа обрастала доспехами. И хотя каждый день Марс встречал много улыбающихся, дружелюбных, вполне счастливых людей, в них он еще не встречал такого обещания бури жизни и закровов запала, но пока робкого блеска и интереса, как у Ханы с содрогавшимся на коленях сигом.

После завтрака тело дало знать о непривычном для него сне на жестком понтоне, и Марс решил поваляться и отдохнуть в свежей, мягкой постели. После прошедшей ночи он ощутил себя в ней, как внутри бутона нежного цветка и приятное тепло медом разлилось по сосудам.

Это чувство безмятежности мгновенно погрузило его в дрему, глубокую и тягучую, на этот раз без снов.

Открыть глаза его заставили холодные тычки и ледящее жжение правой руки. «Неужели опять куда-то свалился?» – прокатилось в сонном сознании мальчика и глаза мысленно закатились. Однако, осмотревшись еще не до конца пробудившимися сфокусированными глазами, Марс обнаружил возбужденно метающихся по кровати Трюфеля и Варди с холодными мокрыми лапами, а свою свисавшую на пол руку достал из ковша со... снегом? Мальчик оценил шутку Эир, криво усмехнувшись. Он поблуждал флегматичным ничего не понимающим взглядом по комнате, а потом вспомнил, что, когда засыпал, сентябрь едва перевалил за середину.

– Кажется, сон вышел из-под контроля. Сколько меня не было с вами, ребята, пару месяцев? – спросил он у немного пришедших в себя и успокоившихся красавцев, впавших в детство.

Нацепив только теплые носки, которые нашел под кроватью, и сделав снежок из массы в ковше, Марс вышел на крыльцо. Окружающее ослепило белизной, а от холода защипало кожу. Рядом с домом носилась Эир с двумя годовалыми котятками, впервые встретившимися со снегом. Мама убегала и осыпала Олава и Бо снежными лавинами, заливаясь хохотом, чем тут же заразила мальчика. Наблюдать за животными, резвящимися в своем первом снегу невозможно без слез смеха. Эти двое лишились разума, то подлетая на всех четырех лапах в воздух, чего-то пугаясь, то несясь со скоростью звука, ныряя и вспарывая мордой белую поверхность. Выскочив из сугроба, Бо ритмично зарысил, подкидывая каждую шагающую лапу по окружности вбок. В этот момент живот заболел от смеха и, взяв под мышки бедолаг с замерзшими подушечками лап, Эир взошла на крыльцо и закинула животных в тепло прихожей.

– Сколько же я спал? – прозвенел в холоде вопрос Марса, сопровождаемый клубами пара изо рта.

– Всего пару часов. Удивительно, но такое здесь уже случалось, когда ты был маленьким. Во всем есть свои плюсы: ты когда-нибудь украшал дом к новому году в сентябре? – подмигнула мама мальчику.

Тут у Марса внутри что-то упало: в снег Хана вряд ли решится выбраться на поверхность, а если и рискнет, то добраться до моста пока даже физически не в ее силах. Окружающая сказка существенно убавила яркости, но дома он смог отвлечься занятиями историей и чтением вместе с Эир. Изучать новое было страстью Марса, в это время на него напал азарт, и хотелось знать все больше, ведь чем более он углублялся в тему, тем сильнее понимал, какой каплей в океане являются его знания. Мальчик ощущал постоянную тревогу от того, что времени мало, а интересное в мире не дремлет и происходит. Но это чувство было даже приятно, ведь заставляло грызть гранит науки, и голова шла кругом от масштабов предстоящих открытий.

Мерное течение вечера за книгами, разговорами с Эир и какао с шапкой молочной пены под тонким облаком корицы заставило веки Марса начать тянуться друг к другу после долгой разлуки бодрствования. Умывшись, он погрузился в свою воздушную лимонную постель и провалился в сон, не успев коснуться щекой подушки.

Казалось, Марс не проспал и минуты, однако было уже три часа пополуночи, когда дыхание смутил удушающий запах гари. В воздухе звенел панический крик Эир, зовущий его по имени и приказывавший сейчас же надеть самую теплую шубу отца и выйти из дома. Спросонья мальчик, бывший не в силах разглядеть что-то далее полуметра, нащупал на стене рядом с кроватью крюк с папиной шубой, снял и накинул ее капюшон на голову, оставив болтаться сзади, а под мышкой зажал мамин тулуп. Услышав в паре метров от себя кашель, Марс подошел на звук и увидел Эир, мягкой тесьмой подвязывавшей вялых, несопротивляющихся котиков под передние лапы. Получилось нечто вроде групповой шлейки, и получившийся ком из обесиленных животных женщина закинула за плечо. С этим она справилась меньше чем за полминуты, и мама с сыном выбежали на улицу, и, ни секунды не медля, бросились к соседствующему с их домом лесу. Марс следовал за Эир, бежавшей вглубь леса, и старался не смотреть

на болтавшихся за спиной поникших питомцев. Благодаря бегу телу было тепло, но ночной воздух обжигал легкие изнутри на участившихся вдохах. Когда на ближайшем пути следования не предвиделось деревьев, мальчик старался хоть на какое-то время зажмурить глаза, ибо если дневной лес был его вторым домом, то ночной – одним из немногих главных страхов. Во тьме силуэты деревьев казались угрожающими, давящими, бурное воображение рисовало прятавшихся за ними костлявых лысых существ. Земля летом становилась мокрой и скользкой, будто старавшейся задержать убегающего в страхе ребенка, а зимой веющей холодом и обездвигивающей.

Страх этот родился после того, как шестилетний Марс заблудился ноябрьским вечером и полчаса плутал среди огромных древесных исполинов, пока не услышал зовущий его по имени голос Ангарда. К моменту встречи мальчик стал бледным, апатичным и не мог вымолвить ни слова в ответ на спокойные вопросы и только бросился на грудь отца беззвучно, с текущими по обескровленным щекам слезами. Родители до сих пор не смогли выудить от него ни слова о том случае.

С возрастом Марс не смог перерасти этот страх. Из-за главного его увлечения фантазия не ослабевала, убиваемая взрослением и построением в голове логичных причинно-следственных связей, а только наращивала силу. По этой причине воспоминание о ночном лесе начиналось со временем все более яркими конкретными подробностями. С наступлением зимы мальчик проводил в своем убежище куда меньше времени, мчался домой с первым же предчувствием сумерек, а их он научился предугадывать заранее по теряющему краски закату.

Теперь же Марс прекрасно понимал неуместность впадения в панику, к тому же и для нее были более серьезные поводы помимо детских страхов. Однако стоило только оглядеться по сторонам, и сердце ускорило свой бег, разгоняя тревогу по всему организму. Казалось, что деревья вокруг него приближаются, окружая, стало сложно дышать. На грудную клетку будто что-то давило, уменьшив просвет воздушного пути. Каждый выдох задевал голосовые связки, из-за чего непроизвольно раздавалось приглушенное «мммм». Рот наполнила обильная слюна с неприятным привкусом, которую мальчик сплевывал несколько раз. Поняв, что бежать дальше не может, Марс окликнул Эир странным хрипящим звуком, непохожим ни на одно известное ей слово, опустился на колени и погрузил лицо в снег. Мальчик попытался представить себя дома, рядом с камином максимально подробно: жар на повернутых к огню, открытых поверхностях кожи, тяжесть Трюфеля на коленях, легкое покачивание кресла и запах мускатного ореха из ароматической лампы. Холод снега привел его в чувство, гладившая по спине рука матери успокаивала. Постаравшись запомнить, удержать этот набор чувств, Марс поднял голову. Эир поднесла к нему ладони, ограничивая обзор с боков, в поле зрения осталось ободряюще улыбающееся лицо и лишь небольшой фрагмент леса у нее за спиной. Затем мама поцеловала его в нос и прижала к груди, глядя по голове. Темнота отступила от сознания, дыхание нормализовалось. Тут Марс вспомнил о питомцах.

Он перебросил тесьму из-за спины Эир вперед, и камни посыпались с души при виде копошащихся, недовольных, но бодрых животных. В свежем воздухе леса коты быстро отошли от нескольких глотков дыма при пожаре. Пришел черед оглядеть маму. Марса осенило, что под мышкой у него зажата давно забытая шуба для нее, и, обойдя Эир сзади, накрыл еле заметно подрагивавшие плечи, а сам вдел руки в рукава необъятной шубы Ангарда. Из голой щиколотки женщины сочилась кровь, но холщевая сумка со всем необходимым для таких случаев, бывшая вечным спутником мальчика, возможно, уже прекратила свое существование. Марс встретился глазами с Эир, и они прочитали во взгляде друг друга, отбросив необходимость в лишних словах: впереди тяжелая ночь.

Глава 6

Хане по возвращении трудно было прийти в себя. Она вспомнила рассказы о далеких предках, около десяти поколений назад деливших впечатления о привыкании к подзем-

ному образу жизни. Тех самых первооткрывателей, души которых были настолько изъязвлены опасностями окружающего мира и их последствиями, что готовы были поменять их на любую другую жизнь и терпеть из-за этого сколько угодно лишений.

Но, конечно же, пришлось себя ломать, и поколение спустившихся и их детей скучало по природе, по благоприятным ее явлениям. Хана с широко открытыми глазами читала о том, как во время вынужденных визитов наверх ветер гладил, лаская щеки, и ощущалось это как прикосновение исчезнувшего любимого человека, давно забытое, насильно выброшенное умом, но такое знакомое и родное телу. Солнце уже нещадно слепило глаза, но после адаптации от лицезрения залитого медово-розовым закатным солнцем леса или сверкающей в полуденных лучах поверхности воды внутренние органы будто совершали кульбиты от эйфории и подскочившего уровня энергии. В такие моменты у начинающих кротов проскальзывало сомнение относительно выбранного пути, но у каждого была слишком весомая причина, личная трагедия, заставлявшая отменить сомнения. Основатели Гардасхольма – хрупкие душой люди, познавшие несчастье. Чувствительные и ранимые, но обладавшие умом острым, как лезвие, они объединились, чтобы создать свой небольшой, оригинальный и безопасный мир, в котором каждый «раненый» сможет успокоиться и усыпить язвы.

В молодой культуре Гардасхольма эта пара десятков человек превозносилась до небес. Хане и людям, близким к ней по возрасту, они с детства виделись не иначе чем божествами. Это было необходимо для того, чтобы объяснить юным жителям города блюдимый взрослыми образ жизни, оправдать лишения и сделать его в доверчивых глазах единственно возможным. Ведь население города росло огромными темпами, он притягивал к себе сломленных и отчаявшихся, готовых кардинально изменить свою жизнь, а вот рождавшиеся в темноте и сырости младенцы были заложниками обстоятельств. А потому уже с молоком матери, весьма скудным на необходимые вещества, впитывали новорожденные убеждение о гениальности и правильности избранного родителями пути.

Обо всем этом Хана пока не подозревала и лишь старалась вообразить себе удовольствие, получаемое предками от соприкосновений с природой и их нехватку, читая запрещенную книгу.

Теперь же безопасной средой для последних поколений считался сырой, с запахом погреба, воздух, деревянные или земляные уплотненные стены и постоянный атрибут жителей – крошки земли на плечах, сыпавшиеся понемногу с потолка. Всё это вьелось в быт людей, стало его неотъемлемой частью и не казалось чем-то необычным. Вода бралась из двух подземных источников, пищей по большей части служили жуки, но раз в полгода за мясом, ягодами, плодами и лекарственными растениями отправлялась специальная команда. Она насчитывала сейчас тридцать человек, которых готовила с самого детства аналогичная бригада прошлого поколения. Старались отбирать детей новопришедших взрослых, так как они какое-то время жили наверху и быстрее адаптировались. Хотя для выживания такого необычного, трудозатратного города требовалось хорошо развитое коллективное сознание, превыше всего ставилась личность. Личность любая: слабая, хилая, или же живая и инициативная, но все равно с надломом. И многие из пришедших в город за исцелением яро противились тому, чтобы их крох забирала эта пожирающая все любимое опасная поверхность. А потому некоторых приходилось приучать с рождения, каждую неделю их поначалу выносили, а затем выводили наверх просто для времяпрепровождения, привыкания во избежание ожогов сетчатки, ветряных язв и воспаления легких. Этим кротяткам, привыкшим к сумеркам и небольшим сквознякам, все равно было тяжело открывать глаза и делать неуверенные шаги по траве. Но еженедельные повторения делали свое дело, и с восьми лет можно было начинать обучение.

Кротят в защитных костюмах и очках водили неглубоко в лес и показывали растения, при удаче – животных, однако сильные, энергичные пушистые создания вызывали у детей панику.

Они, привыкшие к общению с холодными крупными насекомыми с цепкими лапками, не могли поверить в происходящее, когда ладошки утонули в теплой шелковистой шерсти.

Среди этой группы обучаемых детей была и Хана. Им показывали животных и листья растений, знакомили с инструментами и предостерегали от опасностей. Та первая встреча с зайцем поразила ее, и девочка, так как была еще совсем ребенком, стала осыпать всех окружающих вопросами о том, почему они не живут вместе с этими чудесными пушистыми зверьками и при огромном количестве естественного света. Хана каждую неделю очень ждала дня и часа выхода и по наивности донимала взрослых энтузиазмом и стремлением к наземному миру. Однажды в пахнущий сыростью день девочке сообщили, что подниматься она больше не будет и присоединится к классу с обычными предметами. Обучение в нем было заточено под научный склад ума, чтобы не потерять гениальность и образованность основателей города, без которой организовывать и поддерживать такой специфический уклад жизни бы не вышло. После произнесенной мамой новости у девочки началась истерика, экскурсии были для нее главной радостью, утренний подъем в эти дни знаменовался счастьем и предвкушением более сильным, чем в рождество. От этой новости что-то тяжелое внутри у девочки со свистом упало и своим весом надорвало что-то хрупкое.

С тех пор Хана училась жить, находя радости под землей, а по достижении подросткового возраста девочку изредка, раз в пару месяцев, отправляли по мелким поручениям наверх в случае крайней необходимости. Но из-за перерыва в несколько лет эти выходы приносили ей одни физические страдания.

Сразу после возвращения Хана заварила принесенные травы и поднесла дымящуюся кружку к губам матери, которая лежала с полуоткрытыми глазами и тяжело дышала. У нее даже не было сил поинтересоваться о столь долгом отсутствии девочки. Затем она насыпала себе овсянки и залила водой из специального котла-термоса. Ее рассеянные мысли и нервное пережевывание каши прервал взгляд на движение в стене, и из узкого земляного туннеля показался крохотный нос Лурка – полудомашнего крота. Хана подобрала его маленькое глиняное блюдце и плеснула в него кипятка, поставив на стол остывать, а во второе бросила горстку сушеных муравьев. Безглазая с виду мордочка шустро приблизилась к месту, на котором обычно стоят его блюдца и, когда девочка ставила перед ним лакомство, благодарно обхватил ее кисть когтистыми лапками.

Лурк заглядывал к Хане и Берге, как правило, по утрам, спал вблизи теплого котла четыре-пять часов, а после через один из многочисленных ходов отправлялся восвояси повторять цикл еды и сна, добавляя в него добычу этой самой еды, перелопачивая килограммы земли. Иногда их посещали и другие кроты, но так систематично это делал только Лурк, будто на левой лапе носил на лапьи часы с крошечным циферблатом.

Дуя на блюдце с горячим кипятком, чтобы Лурк успел хотя бы окунуть в воду мордочку, прежде чем расправится с угощением, Хана медленно переводила взгляд с него на маму и обратно. Крот был весел, движения живые, аппетит зверский. Создание находилось в своей природной среде, бесстрашное и не беспокоящееся о завтрашнем дне, счастливое просто поглощением пищи. На маму смотреть было страшно: полупризрак с бессмысленным от усталости взглядом и трясущимися руками. Надо отдать должное Марсу – отвар его трав подействовал быстрее и эффективнее их смеси, приступы кашля отступили, и Берге приняла более стойкую, уверенную позу в кровати. После прекращения визитов наверх девочку не покидало ощущение фальшивости, натянутости и хрупкости их существования. Да, учебники и все взрослые заученно твердят о том, что тот мир не для них, он полон опасностей и чудовищ, он – противоположность взаимной всепоглощающей заботы об их небольшом обществе, он забирает любимых.

Но для Ханы представления перевернулись с ног на голову: глядя на Берге можно было не сомневаться, что Гардасхольм скоро поглотит ее слабый организм. А на суровой поверхности

девочка встретила Марса, от которого исходила пугающая от непривычки, неизмеримая сила. Случайный взгляд хоть и окатил все внутри волной едкой кислоты, настолько незащищенной и читаемой она себя почувствовала, но все же лучился дружелюбием и открытостью. Мальчику нечего было скрывать, такой подход поразил Хану из-за контраста с местными жителями, не выдерживавшими и секунду лицемерия их души. Будто вампиры, попавшие на солнце, они сморщивались, закрывали лицо руками. Но для Гардасхольма это не являлось чем-то странным, управители города и вовсе не появлялись перед жителями без черных очков. Поставив миску с чуть теплой водой Лурку и положив руки на мягкий пол, Хана тщательно осмотрела зверька: обтекаемое тельце, едва заметные бугорки глаз, мощные передние лапы. Иногда девочка встречала и звездорылов. И тут она вспомнила, как подносили руки к лицу ее соседи по подземелью в те несколько раз, когда теряли бдительность и пересекались с девочкой глазами. Ехидная мысль промелькнула у Ханы: быть может, это и есть наша судьба еще через пару десятков поколений? Похожие на кротов и звездорылов, но гигантские и ничуть не милые волосатые существа со щупальцами на лице, как трансформировавшиеся закрывающие выражение прилипшие руки, впадины вместо глаз и навеки согнутые как у лягушки ноги от постоянного хождения по туннелям с низким потолком. Хана почувствовала мурашки на плечах от заполнившего ее отвращения.

Поев и убрав посуду, девочка присела на кровать поговорить с мамой, чтобы той не пришлось напрягать свой слабый голос. А после она пошла спать в свою маленькую комнатку, представлявшую собой альков, который вмещал кровать и пару свободных квадратных метров. Деревянный письменный стол стоял в общей комнате, от которой альков был отделен красной бархатной шторой. В алькове был свой выводной канал наверх для проветривания в потолке, и открывала его Хана довольно часто, благодаря чему там сохранялся более свежий воздух, и постель хотя бы оставалась сухой. Берге проветривать жилище не любила, это была женщина – целиком дитя подземной жизни. Она выходила наружу всего пару раз, и ничем хорошим это не закончилось, а потому все ходы из основной комнаты помимо случаев крайней необходимости были плотно закупорены. Несколько раз Хана пробовала в тайне приоткрывать небольшой участок шторы, чтобы кислород хоть немного вытеснил сырость, но организм матери мгновенно улавливал колебания воздуха, и она заходила кашлем. С горечью поняла девочка, что подземная среда губит и душит Берге, но поверхность и вовсе убьет мгновенно. И эта неизбежность, обязанность смиренно наблюдать, как чахнет самый близкий человек, приводила Хану в бешенство.

Переместившись в альков, девочка вдохнула чуть полнее. Здесь, за шторой, из-за небольшого, исключительно ее пространства, а также сухой постели она чувствовала себя на редкость безопасно и уютно. Укрывшись до подбородка одеялом, она прислушалась к часам, висевшим на стене. Звук самой длинной стрелки, нарезавший ночь на секундные кусочки, не раздражал, а наоборот убаюкивал девочку. А начавшие смыкаться веки налились такой сладкой тяжестью, что Хана забылась, кажется, прежде, чем они успели сомкнуться, и провалилась под ритмичный звук часов в беспокойную тусклую страну.

Сон жителей Гардасхольма был поверхностным, прерывающимся, иногда даже утомляющим. Спали они по многу часов, около тринадцати ночью и еще пару днем, так как солнце цикл не регулировало. Крайне редко люди погружались в медленную фазу и в основном довольствовались дремой и короткой фазой сна, наполненной смутными, черно-белыми или цветными, но крайне бледными снами. Хане почти всегда снилась надземная природа в холодных, бледных оттенках с туманной поволокой. Но и эти видения делали ее пробуждения лучезарными и безоблачными. В эту ночь сон девочки не прервался звуками кашля ни разу. Сны сменяли друг друга, но все как один были о реке, новом знакомом, подсознание Ханы даже попыталось воспроизвести быт наземной жизни в Тахиярви, но это видение, конечно, имело мало общего с реальностью.

Наутро девочка, еще не до конца проснувшись, осознала, насколько сильное, всепоглощающе сосущее и подгоняющее изнутри желание подняться испытывает. Она вскочила с кровати, впервые чувствуя себя такой свежей и отдохнувшей, подбежала к Берге, и, поцеловав ее в щеку, стала хлопотать о завтраке. Горячую пищу Гардасхольмцы готовили четыре-пять раз в неделю по вечерам, когда открывалась вентиляция над котлом, находившемся в каждом жилище. В остальное время пищей служили насекомые, долгопортящиеся плоды и консервированное мясо и овощи. Самым популярным же и простым завтраком, подачей которого сейчас и занималась Хана, была смесь крупных сушеных насекомых, залитая березовым соком. Он хранился в громоздкой бочке с краником, откусывавшей львиную долю помещения. А насекомые в виде снеков для завтрака были излюбленным лакомством всех детей и подростков подземелья. Можно было выбрать как сладкие, в медовой или карамельной заливке, так и подсоленные, хрустящие и питательные. А детей, выросших на этой пище, усы и лапки у снеков не смущали совсем.

Хана щедро насыпала две миски медовых жуков, одну подала матери, а свою стала тут же с аппетитом уплетать, пока корочка не пропиталась соком, и не исчез хруст. Она не помнила, чувствовала ли себя когда-то такой отдохнувшей, голодной и исполненной энтузиазма. Наспех умывшись и натянув штаны и свитер, девочка вылезла из жилища и стала спускаться по общей лестнице вниз, на -10 этаж. Там, напротив двери к соседям, находилась еще одна, крошечная, похожая на кроличий лаз. Она вела в туннель, коих на уровне -10 этажей всего Гардасхольма было больше тысячи. Функцией их было соединять колодцы между собой под землей. Так называемые транспортные артерии города. Вот только передвигаться по ним приходилось ползком или в разной степени скрюченности, постоянно натываясь на крыс и вскрикивая от падающих на затылок капель холодной воды. Было и несколько крупных магистралей между ключевыми точками города, высотой в два этажа и по ширине вмещавших в себя два потока людей, спешащих по делам в утреннее время.

Так как на ферме насекомых Хана стала помогать только после исключения из состава наземных экспедиций, она не привыкла лазить по земляным ходам с пеленок, как остальные. Девочке приходилось максимально сосредотачиваться на дыхании, ритме движений и конечной точке, чтобы не думать об узком пространстве и риске обрушения подземного «неба» на голову.

А непосредственно ферму она обожала, работа на ней была отдушиной в тесном, заполненном страхами существовании. Во-первых, организация пространства: кормящее весь город здание находилось в огромной 32-метровой пещере и представляло собой махину из блестящего стекла. Хана приложила браслет к сканеру под неоновой надписью с названием «Штрудхарт», и зеленая стеклянная дверь словно втянула томящуюся нетерпением девочку. Единственное в Гардасхольме высокотехнологичное пространство могло похвастаться даже лифтами, перемещение в которых не ощущалось вовсе. Здание состояло из восьми этажей, каждый из которых представлял собой климатическую зону с определенным видом почвы, уровнем влажности и света. Стенки огромных террариумов, отделяющие тропинки для людей от тысяч кишаших, неустанно копошащихся членистоногих, состояли из полупроницаемой мембраны, реагирующей на тепло человеческого тела. Таким образом, подземных людей с установившейся температурой 35,5-36,0°C пленка пропускала, а насекомых температуры окружающей среды задерживала в террариумах. Пленка была прозрачной, и наблюдать за жизнью маленьких существ, за всеми их ходами и норками не составляло никакой проблемы. Для микрочастиц света и влаги мембрана не являла собой преграды, а потому на человеческих тропинках всё было точь-в-точь как в нескольких сантиметрах за спасительной пленкой.

За это Хана ценила Штрудхарт больше всего: она имела возможность хоть как-то менять обстановку и представлять себя в разных уголках планеты, пусть и подземных её уголках. Ведь даже почва пестрила разнообразием: от мягкой как пластилин, ярко-красной прохладной

земли до потрясающего на ощупь мельчайшего жгучего песка, струящегося с ладоней между пальцами. Пестрили разнообразием и обитатели: от двадцатисантиметровых жуков-дровосеков и прочих жуков-крепьшей с рогами, шипами и в хитиновых доспехах до хрупких малых огненных муравьев, едва достигавших двух миллиметров. Но и этих крох едва ли можно было назвать беззащитными, ведь они обладали способностью выживать со своей территории любую другую популяцию насекомых. При контакте с человеческой кожей работник получал сильнейший укол ядовитым жалом, напоминавший удар током, а из-за медлительности и рассеянности жителей Гардасхольма несчастные случаи происходили с завидной регулярностью.

Без владения огромным количеством информации по энтомологии в Штрудхарте было делать нечего, более того, невежество и халатность отнимали жизнь. Сначала потенциальные специалисты проходили теоретическую подготовку и различные тесты, а затем им проводили пробную экскурсию по одному под чутким надзором нескольких работников. Далеко не каждый мог безмятежно наблюдать, как вокруг снуют тысячи телец, шустро перебирая лапками, по своим важным членистоногим делам. Их крупные скопления формировали силуэты, похожие на огромных текучих монстров, могущих заслонить свет или объединиться в еще большую тучу. Под тяжестью насекомых, пробежавших над головой новичка, невесомая на вид мембрана дрожала и прогибалась, опускаясь почти до затылка. В такие моменты неустойчивая психика студентов, дрогнув, трогалась с места и бедных претендентов навсегда выносили из здания либо с неудержимой чесоткой, либо кричащих и плачущих. Самых же тихих по темпераменту – бледными, с застекленевшим выражением глаз. Конечно, бедолаг не бросали и еще долго регулярно беседовали и успокаивали, но доступ в Штрудхарт навсегда закрывался. Таким образом, минутная слабость обесценивала потуги интенсивного двухлетнего обучения, и те немногие, которые полностью восстанавливались и желали попробовать еще раз, были обречены на отказ. Впереди маячил один из видов механической повторяющейся работы, которой кроме работников Штрудхарта и участников надземных экспедиций занимался каждый гардасхольмец.

О таких историях Хана перед своим первым визитом в научное царство слышала неоднократно. И дабы не лишиться возможности проводить время в единственном интересном месте бесцветного подземного города, использовала свое секретное оружие против мнимых страхов: максимальное сосредоточение. Она как губка впитывала всю информацию на экскурсии, внимание стало единственным, обострившимся до предела чувством, чтобы посторонние мысли и фантазии не нашли места в голове девочки. Так и получила она одобрение холодных, спокойных ученых, проводивших экскурсию.

Теперь же Хана находилась в полном доверии со всеми коллегами и выполняла значительную часть работы. Любимым этажом девочки был восьмой – Тропический. Даже после долгого нахождения здесь, к виду диковинных пушистых, но ядовитых лономий, глазастых иглистых дьяволов и бабочек самых сложных расцветок она так и не привыкла и восхищалась всегда как в первый раз. Разнообразие здешних обитателей кружило голову. Разрешение выполнять работы на этом этаже Хана получила пару месяцев назад. И хотя изрядно попотела над теорией, узнаванием особенностей и хитростей каждого из видов маленьких существ, она уже успела два раза угодить к доктору, обитавшему тут же, в Штрудхарте, в лаборатории с противоядиями. Это место пользовалось завидной популярностью у ученых трех верхних этажей.

Мембрану восьмого этажа окружала не почва, а полноценная имитация тропического леса, так как внушительная часть насекомых данной климатической зоны жила на поверхности. Таким образом, жителям восьмого этажа удавалось жить одновременно и под землей, и находиться на ее поверхности среди растений, да еще и быть внутри здания. Из-за того, что часть цикла развития некоторых насекомых проходила в воде, по лесу протекал слабый трехуровневый ручеек, заканчивавшийся небольшим озерцом-болотцем глубокого зеленого цвета. Свет был приглушенный, красный, для получения существами определенной, необходимой им волны, поэтому там всегда стоял жутковатый полумрак. Благодаря специальным пульвериза-

торам поддерживалась очень высокая влажность, в некоторых местах доводимая до тумана. Но даже находясь вне его, Хана могла увидеть подсвеченные красным, витающие в воздухе частички воды, что выглядело поистине сюрреалистично, будто по атмосфере этого тропического космоса неторопливо плавали маленькие красные звезды. Девочка всегда уходила с восьмого этажа с мокрой кожей и сморщенными подушечками пальцев. Если влаги и в остальном подземелье имелось в избытке, то теплом она насыщалась только в Тропиках. Здесь поддерживалась температура около +30°С, и это было самым настоящим наслаждением. После исключения из экспедиционной команды Хана стала зябнуть в Гардасхольме и никогда не могла согреться до конца. Сырость, ледящий холод туннелей и не сильно отличающийся от него домашний климат. Она, казалось, потеряла человеческую способность к теплокровности и стала подстраиваться под окружающую среду. Вечная промозглость нервировала её и заставляла кутаться во множество слоев одежды. Однако в Тропиках она нежилась в тепле как кусочек свежего бекона в горячем масле, потрескивая от удовольствия.

Еще одна причина ценить нахождение на священном для девочки восьмом этаже – одиночество. Сюда допускалось крайне ограниченное количество людей, и во время своей работы Хана редко с кем-то сталкивалась. Девочка не любила общаться с гардасхольмцами. Обычно это были весьма несуразные диалоги, отчасти из-за отсутствия зрительного контакта, с дефицитом взаимопонимания. А ее дела в Штрудхарте наполняли ее, давали спокойствие и согревали во всех смыслах.

Глава 7

Ночь Марса и Эир в лесу вышла не из простых, но они не растерялись: завязали глаза мальчику и бродили знакомому участку леса, чтобы не замерзнуть. Коты, надышавшись свежим лесным воздухом, пришли в чувство и теперь не болтались обвислыми тяжелыми тушками, а дергались и голосили, возмущаясь такому варварскому способу фиксации. Когда ветви плотно расположенных деревьев стали пропускать первые рассеянные и неуверенные волны света, погорельцы решились повернуть к дому, изможденные ночным бдением, усугубленным неизвестностью.

Когда семья добралась до городка, робкий зарождавшийся свет окреп до полноценных утренних сумерек, сырых и туманных, а в нос вновь ударил тревожный запах дыма. Увидев из-за последних деревьев несколько домов, включая их собственный, а точнее место, где он располагался, из глаз у обоих одновременно брызнули слезы. На месте половины из восьми домов в поле зрения находилось пепелище с серыми, неспешно поднимающимися клубами дыма. С ним мешался туман, пытавшийся затопить этот мрачный упаднический пейзаж.

Зрелище вызвало у мальчика с мамой такое щемящее чувство одиночества, что они обнялись и пока не могли сдвинуться с места. Всю ночь, так или иначе, в них происходили торги с реальностью: «Быть может, это сон?», или хотя бы «Пострадает лишь незначительная часть дома». Однако огонь проглотил половину города, и теперь столкновение с настоящим стало неотвратимым.

– Марс! Эир! Вы знаете, что мы уже считали вас частью этого пепла? – мужской тонкий тихий голос окликнул их, и натянутые как струнки тела бездомных полностью повернулись на звук.

Из тумана вышел низкий силуэт и облекся в хрупкого смуглого мужчину в пальто до пят.

Калле – активный горожанин, чьи энергия и организаторские способности били ключом, благодаря чему Тахиярви гудел и дышал. Его дом слыл самым большим в Тахиярви. Если весь город состоял из одноэтажных крох с чердаками, отведенными под хозяйственные нужды, то его жилище было массивным, трехэтажным, включая жилую мансарду. Однако это место редко пустовало: из-за отзывчивости и живости хозяина терялось роскошное высокомерие внешнего вида здания, в нем вечно что-то кипело, журчало, кричало и падало. И теперь Калле сообщил о том, что уже три семьи нашли у него кров, пока сгоревшие дома не отстроят заново, разме-

стятся и Эир с Марсом. И посмотрел на них своими огромными сверкающими глазами. Они занимали большую часть худого лица, темно-карие с крупными зрачками, всегда были как бы подсвечены восхищением, что бы ни происходило. Взгляд – то, чем приводил в смущение Калле всех без исключения. Он объяснял значение имени мужчины, в переводе означавшее «горячий». В толпе он всегда выделялся длинным пальто в холодную погоду, а в жаркую – полностью татуированными руками.

Марс часто бывал у Калле, а потому чувствовал себя совсем не обездоленным, однако теперь дом заполнился людьми под завязку. В каждом помещении раздавались голоса, включая даже ванную. Детей решили разместить наверху, в нескольких просторных мансардных помещениях. Калле показал миниатюрную спальню Эир на втором этаже, а Марсу доверил самому выбрать себе угол на следующие пару месяцев. Мальчику пришлось по душе аскетичные, но уютные комнаты с разбросанными по деревянному полу матрасами. За пятой дверью оказался не очередной стадион с суетящимися от неожиданной смены обстановки детьми, а комнатка не более шести квадратных метров. Здесь было только несколько подушек, внушительных размеров аквариум с несколькими полосатыми барбусами и окно, занимавшее почти весь наклонный потолок мансарды. Мальчик удовлетворенно улыбнулся и бросил в угол тулуп.

После он пошел за Эир, чтобы вместе отправиться в столовую. Они не ели со вчерашнего дня и целую ночь бродили по лесу. Так что теперь, когда хотя бы прояснилась ситуация с крышей над головой и можно было немного выдохнуть, мама с мальчиком почувствовали такую усталость, что спускались вниз по лестнице, опершись друг на друга и поддерживая. Выбивали из колеи мысли о поджогах, отсутствие вестей от Ангарда, но без еды этими беспокойствами истощенные мозги лишь жонглировали и перекидывали с места на место, не давая ни намека на ответы или сил, чтобы их поискать.

В столовой пышная кухарка снабдила их тарелками с дымящейся свежей ухой и несколькими бесформенными кусками еще горячего, из печи, хлеба. После она, так как Марс с матерью были последними голодными в доме, сняла передник и под села к ним.

– Фрита, Калле уже сообщал тебе что-то о поджогах? Он же всегда все знает, кажется, даже раньше зачинщиков, – решила не терять времени даром Эир.

– Известно только, что это произошло около трех утра, и огонь слизал треть домов. Почти все уже разобрались по соседям, а уж мы позаботимся о вас, даже не сомневайтесь.

– Иначе и быть не может, Фрита, вы окажете нам помощь даже против нашей воли. – Эир одарила кухарку теплой улыбкой и глаза ее игриво сощурились.

– В крайнем случае привяжете к креслу и будете кормить пирогами, – подхватил Марс.

– Когда доедите, залейте миски водой и не более, руки оторву тому, кто будет хозяйничать на моей кухне, – притворилась холодной и невосприимчивой к шуткам кормилица и выпорхнула из-за стола так, словно не была добротной тучной старушкой.

К концу трапезы, когда Эир с Марсом сели на большом крыльце с уже сытыми и оживившимися котами, вернулся Калле с последней, пятой семьей погорельцев, собиравшейся разместиться в его доме. Ораву из четырех детей собирались поселить не в мансардах, а в крупной спальне с родителями, так как им было от одного до пяти лет.

Вечером было назначено собрание для обсуждения сложившейся ситуации и дальнейших действий. Марса как всегда не допустили, но Эир пообещала подробно пересказать всё происходящее. Марс только флегматично кивнул в ответ на это громкое заявление, ведь мать пропустит информацию через свой фильтр заботы и оберегания. Если спросить у Калле, тот и то расскажет больше. А потому мальчик решил навестить свою нору, пока не спустилась темнота, а потом посидеть на мосту и самому поломать голову над произошедшим.

Выскочив на центральную улицу Тахиярви, на которой стоял дом их приюта, призывно и дружелюбно светя в унылую окружающую обстановку теплым светом из всех окон, Марс поежился от побежавшего по коже холодка. Утренние сумерки за время копошения и суеты в

новом доме сменились вечерними. Пепелища еще сочились серым дымом, утекающим в сумеречное небо. Выкошенная пожаром стройная улица нагоняла жути словно беззубая челюсть дряхлеющего старика, оскалившаяся в скрипящем хохоте. А оставшиеся милые домики дрожали от количества людей, их переполнявших.

Марс припустил бегом и через несколько минут оказался у похожего на муравейник знакового холма. Откопав ручку люка, оказался внутри и понял, как не хватало ему энергии этого места. Поблескивало стекло янтарного и изумрудного цвета бутылок, ворох бумаги подпрыгнул и опустился от сквозняка из люка, словно глубоко вздохнул, а запах сена манил лечь и забыться в выдуманных чернильных мирах. Но сгущающиеся сумерки обещали скорую темноту, и мальчик, закинув в глубокие карманы тулупа пару бутылок, перо и чернильницу, а также охапку хрупких листов, поспешил замаскировать убежище и покинуть лес.

Формально следующая встреча с Ханой должна была состояться сегодня, до нее оставалось еще около шести часов, да и Марс сомневался, что его причудливая знакомая придет по снегу, слой которого доходил уже до щиколотки. Тем не менее, волнение от слабой надежды нарастало, и Марс остался на мосту. Бурное течение реки не успевал схватить лед, поэтому мост все также плясал в ритме потока воды. Однако схватка двух агрегатных состояний была в самом разгаре, и мост иногда царапали снизу проносящиеся льдины. Мальчик умиротворенно прикрыл глаза, а затем, несмотря на прилетающие иногда брызги выудил бумагу и перо. Ансгард недавно соорудил для него чернильницу со специальной резинкой, которой можно было зафиксировать перо в чернильнице и избежать проливания. Так что сейчас Марс преспокойно вытащил его из герметичной емкости и расправил на древесине чистый лист.

Мальчик взялся за любимое занятие – написание коротких, чаще двухстраничных, чтобы поместились на одном листе, рассказов, скармливать их по одному бутылкам, перевязанным лентой или веревкой, а затем отправлять письмо водной почтой без адресата. В этом действе Марса завораживало каждое отдельное действие: и фантазировать, трансформируя реальность, и выводить чернилами буквы каллиграфическим почерком, и опускать бутылку в воду, а затем наблюдать, как стихия в спешке уносит ее прочь. А затем представлять к кому, когда и при каких обстоятельствах придет письмо. Быть может, какие-то из них отыщут хозяина только спустя века и станут историческим достоянием, со смелостью юного мечтателя грезил мальчик.

Моменты сочинения рассказов Марс обожал за близость к самому себе. Когда он садился писать, уносимый подсознательным потоком, его персонажи будто жили сами по себе, а мальчик только и успевал записывать. После завершения рассказа при прочтении казалось, что тот написан чужой рукой. Именно в такие моменты он знакомился с самим собой. Ведь происходящее с героями развивается, сюжет завязывается, время в истории бежит, и нет времени задумываться о мнении того, кто, быть может, будет читать результат. Контролировать и загонять героев в рамки критичного сознания времени совсем не остается. Так или иначе, изливалось на бумагу то, что больше всего беспокоило мальчика, но косвенно, как часть истории. Тогда Марс и осознал, что любая фантастика вовсе не бред, не выдумка, а попытка принять, более глубоко понять, трансформировав, самую что ни на есть реальную жизнь.

Мальчик дописал очерк о тварях, обитающих в глубине леса, и стал сворачивать в трубочку несколько листов, но замерзшие пальцы не слушались, и бумага выпала из рук и разлетелась по мосту и поверхности воды. Течение моментально проглотило упавшие в реку страницы. Марс так увлекся тем, чтобы поймать оставшиеся, пока волна не слизнула их с моста, что не заметил приближающийся к мосту шаткий силуэт. Только когда мальчик почувствовал, как кто-то вступил на мост, вздрогнул и поднял глаза. Он отпрянул от неожиданности увиденного, хотя почти мгновенно понял, кто все же решился его навестить.

Перед Марсом словно стоял инопланетянин: серебристая куртка с надетым гигантским капюшоном, маска из плотной ткани на лице, напоминающая чулок с разрезом на месте глаз, но не тут-то было – и они были скрыты солнцезащитными очками, прекрасно дополнявшими

этот образ для прогулки лунным вечером. На ногах у Ханы были сапоги на платформах около четырех сантиметров, с которыми она еле управлялась. Мальчик улыбнулся своему отражению в очках и откинулся на спину, наткнувшись взглядом на звездное небо и с облегчением разразившись смехом. Девочка бессильно опустила на влажную древесину и тоже подняла глаза.

Даже для человека, каждую ночь видящего звездное небо, это зрелище почему-то не становится обычным. А уж Хану, непривыкшую поднимать глаза, так как над ней изо дня в день не было ничего, кроме одинаковой земли и темноты, и вовсе придавило к мосту масштабом и грандиозностью развернувшейся картины.

– Так хочется дорасти, дотянуться до звезд, оценить в полной мере, не шарахаться от каждого звука и не залечивать синяки, постояв без тонны курток и масок на ветру. Стать настоящим человеком, умеющим впитывать жизнь.

– Мне кажется, если в тебе есть желание до чего-то дорасти – ты уже настоящий человек. Это единственный критерий. Все остальное – внешнее, проходящее и уходящее, и совсем не имеет значения.

– Как уходит время?

Марс замешкался, будучи не в силах сразу ответить на еще один философский вопрос, но Хана уточнила:

– Может быть у вас спрашивают иначе, в Гардасхольме это обычный вопрос вежливости и начала беседы о твоём состоянии и происходящем в жизни.

– Ну конечно! С последней встречи время уходило стремительно настолько, что я за ним не поспевал. Сначала я упал в реку, затем мой дом и дома моих друзей сгорели в руках анонимных зложелателей, после чего была ночь с мамой в темном лесу с мыслями о том, что наши коты, надышавшиеся угарным газом, могут умереть, – на последних словах от дрожания голоса слова стали еле различимыми.

Марс, разгорячившийся и чуть не расплакавшийся от воспоминаний о слишком насыщенных последних двух сутках и жалости к себе, обратил всё свое внимание к Хане. Он почувствовал бурный мыслительный процесс, но выразить эмоции она толком не умела, и после напряженного молчания произнесла:

– Коты?

Мальчик шлепнул ладонями по щекам, закрыв лицо руками. Отчего-то ему так полегчало от этого наивного любознательного вопроса, оттого, что можно рассказать о сущности любимых животных, а не о подробностях произошедших несчастий.

– Коты – домашние животные, покрытые густой шерстью, с торчащими вверх треугольными ушами, милыми мордами и мягкими грациозными движениями. Пушистые мешки со своенравием и концентраты любви одновременно. Когда одно из этих странных существ, проникаясь доверием, ложится к тебе на грудь, заводит свой мурчащий мотор и начинает мять лапами в приступе блаженства, ты чувствуешь всепоглощающую любовь, уют и безопасность. Скажи, при каких обстоятельствах ты чувствуешь себя в наибольшей безопасности? – свернул Марс с основной магистрали на плохо освещенную проселочную дорогу.

– В наибольшей – на ферме, на ней я просто забываюсь и вспоминаю о безопасности только чтоб не схлопотать от ядовитых подопечных, а в полной – никогда. Наверное, мне нужно познакомиться с котом?

– В точку. Кстати, в прошлый раз ты обещала рассказать о вашей ферме.

И Хана, замаявшись, начала монолог. Сначала он был скачущим, сбивчивым, девочка чересчур экспрессивно описывала обыденные вещи, не зная, где делать эмоциональные акценты. Но со временем она заметила, что Марс весь – внимание, не перебивает, не торопит, не просит снять очки, и ход мысли прояснился, выровнялся, стал последовательным и понятным. А у мальчика все внутри замерло и затаилось от описываемого Ханой чуда, чтобы не

разразиться бурными удивлениями и восторгами, потому что чувствовал, как хрупка нить ее повествования.

Робкая рассказчица завершила свою речь кратким описанием каждого этажа и развернулась всем телом к Марсу, чтобы посмотреть на выражение его лица, не снимая капюшон. Мальчик остался спокойным, но блеск удивления и воодушевления в глазах проглядывался даже сквозь затемненное стекло.

– Потрясающе. Так вот чем вы там занимаетесь, что ж, жизнь под землей не такая серо-бурая, какой я ее себе представлял.

– Еще бы. Чем темнее вокруг человека, тем более яркие краски буйствуют внутри. Наша жизнь состоит из одних ограничений, которые вынуждают наших ученых ломать голову и выдавать самые креативные свежие идеи, чтобы жизнь под землей оставалась возможной. Основные принципы заимствуют у природы и перешивают их под свои нужды, но порой приходится идти и против нее. Однако яркие впечатления моей жизни фермой и ограничиваются. В моем представлении твоя жизнь – что-то заоблачное. Природа не дает пощечины и не хочет сломить, а ласкает и сопутствует. Люди общаются между собой искренне и обмениваются энергией... Ах, и наличие котов, конечно.

– Ха, это безусловно главный плюс, – усмехнулся Марс, – зришь в самую суть. Из твоих уст все действительно звучит идеально, но такового не бывает. Я люблю природу, но засчет того, что постоянно контактирую с ней с пеленок, не испытываю такого трепета по отношению к простым ее явлениям. Я просто привык. И не смогу таким свежим восприятием оценить как ее недовольство, так и невероятные красоты и благосклонность, что тебе еще предстоит. Разве что прямо сейчас запереть меня под землей на десяток лет.

– Ты только скажи! – впервые уловил Марс ироничные нотки.

– Так-так, я понял, нужно быть осторожней с желаниями. Так что пользуйся преимуществами, будь осторожна, но с этой самой осторожностью впитывай и изучай. Я же чувствую в тебе эту жажду жизни, несмотря на вагон страхов и зажатость. А что касается людей: да, мы можем устанавливать зрительный контакт и заботиться друг о друге без осуждений. Но мы с тобой живем в небезопасном месте. Твои предки оказались более мнительными и осторожными и спустились, мои избрали сложный путь, требующий смелости, но и они не безупречны. Регулярно я с покорным видом выслушиваю ложь. Все всегда хорошо и солнечно, слышу я, даже когда исчезает отец и сгорают дома. Я понимаю и чувствую куда больше, чем думают взрослые, способность перенимать состояние других людей у меня с раннего детства. И становится очень больно, когда не доверяют самые близкие. Давно научился не показывать этого – пока я спокоен и миролюбив, бдительность и маскировка родителей ослабевает, и я могу узнать почти все сам, нутром. Но иногда хочется сбежать от такой искаженной, вывернутой наизнанку заботы. Кажется, многие родители решают не читать инструкцию к ребенку, надеясь, что сами разберутся, и выходит то, что выходит.

Хана молчала, обдумывая. Марс заметил, что она погрузилась в его рассказ, забыв беспокойство о безопасности, волнение отступило.

– Да, иногда любовь принимает странные формы. Наверное, любви можно учиться всю жизнь и до совершенства все равно будет далеко. До тех пор, пока она не перестанет быть эгоистичной, заикленной, поверхностной. Больше не будет олицетворением душевных травм человека, а станет глубоким, свободным, крылатым чувством.

Тем временем поднялся ветер, и мост стали захлестывать волны. Марс заметил, как бледные кисти девочки сжались в напряженные кулаки и понял, что грандиозное обмундирование не справляется. Оценив ситуацию, мальчик понял, что ближайшим укрытием является сейчас его подземный тайник, скрывающийся в уже крошечной темноте леса. С другой стороны, находился он совсем близко, и Марс знал каждый метр на пути, всвязи с чем у него возникла идея дойти дотуда наощупь, с зажмуренными глазами. Заверив Хану, что рядом есть безопас-

ное место, мальчик взял ее под руку и почувствовал окаменение всех мышц девочки. Та неслышающимися пальцами застегнула пару крупных пуговиц, соединив две половины капюшона на середине лица, чуть выдохнула и поковыляла, переставляя деревянные ноги и следуя за Марсом. Он же подобрал тонкую, иссохшую ветку дерева на подходе к сомкнувшимся темным силуэтам лесных исполинов и, закрыв глаза, сделал первый шаг. То, какой вымученный у них получился дуэт, горько позабавило Марса. Вспомнив «Битый битого везет», улыбнулся и зашагал мягко и постепенно, водя перед собой веткой во избежание столкновений. Хана ощущалась как статуя – замороженная ледяная принцесса, которую было довольно сложно вести. Так и брели они молча, сосредоточенные только на продолжении ходьбы вопреки всему.

Наконец Марс почувствовал стопами твердость под слоем дерна, отпустил Хану и нагнулся скатать верхний слой почвы в рулон и открыть люк. В эти минуты глазами мальчику служили руки, и, жадно шупая все вокруг, он спустился на пол, покрытый сеном, и зажег лампу. Только тогда он распахнул глаза, которые, привыкнув к темноте, удивленно защипали и сомкнулись в маленькие щелки. Марс велел Хане расстегнуть капюшон, чтобы не упасть и не травмироваться во время спуска в люк, и помог ей прыгнуть.

Неопределенное время они просто сидели на ароматном сене и приходили в себя, не в состоянии ни о чем думать. Глаза их постепенно обретали нормальный размер, адаптируясь к свету. Было невероятным облегчением оказаться в светлом, сухом, безветренном месте. Хана с любопытством стала оглядывать вокруг себя. То, что находились подростки под землей, девочка поняла сразу по стенам и запаху, который они отдавали. В одном углу теснились бутылки, ворох бумаги, маленький столик из темного дерева, напоминавший скорее поднос на низких ножках для завтрака в постели, и еще какой-то хлам. У одной из стен лежало несколько бумажных пакетов, а в диаметрально противоположном от столика и бутылок углу высился толстый слой сена, а на нем накидано несколько пестрых подушек с вышивками различных птиц. Несмотря на то, что убежище занимало не более трех-четырех квадратных метров, в нем атмосфера дома ощущалась сильнее, чем в их с мамой полноценном жилище.

– Так ты, выходит, тоже кое-что знаешь о подземной жизни! – взбудоражено прошептала Хана.

– Думаю, мы должны бежать, – без умысла проигнорировал ее реплику Марс. – Между нашими образами жизни огромная пропасть, только посмотри, а ведь города находятся на соседних берегах реки. Представь, какой она может быть в другом лесу, в другой полосе, на противоположном конце света.

Живот у Ханы свело, она подтянула колени к груди, свернувшись клубком.

– Все это звучит так многообещающе, но для меня пока и ближайший к дому километр ощущается как мир, полный опасностей с коварными чудовищами, притаившимися за каждым деревом и гигантским золотым огнедышащим драконом в небе.

Марс прекрасно понимал, о чем говорит девочка, да и со своей боязнью был в состоянии покорять планету ровно до первых сумерек в лесу. Только теперь стало очевидно, что им нужен кто-то еще. На жителей Гардасхольма рассчитывать не приходилось. Судя по тому, что они бессильно загибались от сырости, Хана была самым пытливым и живым относительно остальных горожанином. Перекинув мысленный взгляд на Тахиярви, в памяти первыми всплыли родители и Калле. Однако Эйр была слаба от тоски по Ангарду и постоянного притворства, а потому выбор пал на друга с угольными глазами.

К Калле можно прийти с чем угодно, этот человек умеет выслушать и поддержать. Однако Марс смущался в его присутствии, ибо с мужчиной суперэмпатия не работала. Если по движениям, дыханию и энергетике мальчик мог понять почти всё о человеке, а взгляд в глаза довершал картину, то при зрительном контакте с Калле он только запутывался. Мужчина был всегда спокоен, движения полны грации, маленькая фигурка передвигалась по городу уверенной скользкой походкой. А черные глаза перекрывали всё. Они преграждали путь пронирливым

взглядам стеной, занавесом, не пускавшим никого дальше задорного умиротворяющего блеска на поверхности. Из-за этого, а также из-за размера глаз взгляд казался немного сумасшедшим, быстрым и пронизательным, но непроницаемым.

Светло-серые глаза Ханы были освещенными магистралями к ее мыслям, освещенными словно по последнему слову техники. И ей Марс рассказал о своем друге, поживаясь от холода. Затепившийся где-то глубоко огонек идеи заставил мальчика энергично тереть ладонями бедра и слегка подпрыгивать на месте во время экспрессивного описания Калле. И не мог он пока понять, действительно ли желание сбежать вызвано жаждой справедливости, или все-таки это зудящая нехватка приключений. Мальчик отмахивался от внутреннего вопроса как от жужжащего комара, мол, одно другому не мешает.

Хане вполне симпатизировали широкие порывы Марса, но она сидела молча. Слишком страшно. Страшно уже без паники, головокружения и крика, ее мысли просто будто заморозили. Лимит смелости на сегодня ушел уже в минус. Девочка впала в ступор, будучи не в силах даже ответить хотя бы нейтральными словами вежливости. Она просто сидела, перманентно покрытая испариной холодного пота, тупо смотрела в одну точку. Какие-то мысли переваливались с боку на бок в ее голове, становясь все страннее и страннее, пока экран не погас, и Марс не почувствовал тяжесть на своем плече. Он убрал плечо, и Хана мягко соскользнула на высокий слой подушек и сена, источавшего слишком сильный, слегка прелый из-за сырости запах. Мальчик же еще долго размышлял, опершись спиной о мягкую земляную стену и вдыхая пары воды и своих сомнений и, не заметив, забылся с ноткой воодушевления в измученном сознании.

Наутро Марс резко проснулся от промерзшего воздуха с онемевшими пальцами рук, а стоп он и вовсе не чувствовал. На нем не было теплого защитного костюма, как на Хане, да и спать он привык в ароматной сухой постели жарко натопленного дома, а не в промозглом подzemелье. Как только мальчик открыл глаза, он несколько секунд судорожно соображал, так как перед глазами все мутилось, будто он потерял зрение. Только на расстоянии пары шагов маячила размытая световая точка. Тут он вспомнил, где и почему находится, и догадался, что его обитель заполнил утренний туман. Марс пополз к свету, оказавшемуся еще горячей лампой, и занес его над серебристым костюмом. Оказалось, девочка мирно сопела, закопавшись в сене, и ничто ее не смущало. Голубоватую кожу лица покрывали мельчайшие капельки, все мышцы расслаблены, и только зрачки под веками двигались, заставляя дергаться редкие бесцветные, но невероятно длинные ресницы, верно, в каком-нибудь тревожном сне.

Опомнившись, Марс понял, сколько отсутствовал дома, и какой куриный переполох, должно быть, навел. Подумав, как свести к минимуму испуг Ханы при пробуждении, мальчик взял две бутылки изумрудного цвета стекла и легко, чтобы не разбить, столкнул их друг с другом. Раздалось тонкое приятное «дзынь», смягченное и наполовину поглощенное окружающей влагой. Реакции не последовало. Марс начал сталкивать бутылки в одном ему только известном ритме, извлекая подобие мелодии, в ответ на что силуэт девочки на сене медленно и лениво приподнялся, руки стали растирать лицо. Когда мальчик подошел, выражение лица Ханы уже приобрело осознанность и понимание, где она находится и почему.

– Ясного утра! – хотел ободряюще воскликнуть, но невольно прошептал Марс, обнаружив, что голос его украл холодный туманный дух. Он планировал поделиться впечатлениями о ломающей боли и пробравшем до костного мозга ознобе, но понял, что еще успеет, а теперь лучше скорее добраться до дома. – Идем, я проведу тебя до моста и разойдемся.

Хана коротко кивнула. Она знала, что проводящая в беспмятстве ночи Берге ее отсутствия и не заметит, а вот в Штрудхарте каждое новое утро ее ждала большая ответственность и многомиллионный шестилапый коллектив. Девочка подняла ворот свитера, надела очки и капюшон.

– К выходу в открытый космос готова? – прошелестел Марс, улыбнувшись, и откинул крышку люка.

Они по очереди выбрались из спасительной норы и двинулись в сторону Яка. Снега как не бывало, а вот густой туман поглотил всё вокруг, поднявшись даже над головами. Стояло глубокое безмолвие, природа замерла, будто прислушиваясь к пульсу вымотанных ребят. Дошли до моста Марс и Хана, не обронив ни слова. На месте мальчик пообещал, что поговорит с человеком, которому можно довериться, и поделится вестями на этом же месте через два дня. Условившись о времени, ребята разошлись в противоположные стороны, унося с собой волнение и растущую надежду, пока непонятного происхождения и не обличенную в слова.

Глава 8

Вернувшись домой, Хана увидела Берге глубоко спящей – та часто погружалась в сон только под утро. До выхода девочке оставалось 10 минут. Хватило только на то, чтобы пожевать сладкого сухого порошка из бабочек и сахара, предназначавшегося для разведения горячей водой и получения пюре. Чтобы умыться, пришлось стукнуть костяшками пальцев и разбить тончайший слой льда, покрывавший воду в алюминиевом тазу. Вода затопила кусочки и Хана выловила один себе, протерла ледышкой лицо, в ответ на что руки покрылись мурашками, после чего выскочила в общий ход.

Сегодня она хотела аккуратно обратиться к кому-нибудь из коллег с вопросами о соседях и наличии других городов в окрУге. Но затем решила, что если они обретут поддержку в лице надежного друга Марса из Тахиярви, то незачем будоражить хрупких штрудхартцев. С этими рассуждениями она и вошла в среагировавшие на браслет двери. Ферма насекомых совсем не походила на место разведения стандартных животных, даже круглый зал холла был высокотехнологичным царством стекла, блестел и звенел при соприкосновении с ним. Пол покрывал паркет с ромбовидным рисунком, а на стенах из темно-зеленых стеклянных панелей висело несколько высоких, в два роста девочки зеркал, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Обычно перед сменой в зал то и дело подходили работники, а в присутствии других каждого сковывало, и стеснение не давало даже мельком заглянуть в отражение. Опустив глаза, люди стекались к лифту. Сегодня же холл пустовал, и Хана подошла к одному из зеркал. Она давно не смотрела на себя, а если мозг долго не обновляет информацию, то подробности начинают забываться и замещаться новыми деталями, незаметно и естественно. Из-за этого, если подойти к зеркалу даже спустя лишь неделю отсутствия контакта со своим отражением, можно испытать весьма яркое удивление. Так и девочка отметила нейтральный облик, но острый и любопытный взор, и мягкие волны длинных волос. Настроение почему-то подлетело вверх, и, опомнившись, Хана повернулась к пришелестевшему лифту.

На своем восьмом этаже девочка обнаружила листавшего и делавшего пометки в бумагах Кьярваля – ведущего энтомолога и главу Штрудхарта. Это был худой мужчина лет сорока с тусклыми волосами цвета мокко, убранными в пучок на затылке, выраженным носом с горбинкой и всегда в высоких сапогах для удобства передвижения по разным зонам. Его знали как самого деликатного и спокойного, отлично знающего свое дело. А именно эти качества и считались наиболее ценными в глазах жителей города, из-за чего слова Кьярваля имели огромный вес, а советам и указаниям беспрекословно следовали. Но Хана чувствовала тщательно скрываемую робость, это был человек науки, которого обстоятельства заставили сделать взаимодействие с людьми и руководство фермой частью своей работы.

– Пришел к тебе с просьбой. Линн скосило воспаление легких, не могла бы ты заглянуть к муравьям, когда разберешься у себя? – обратился к девочке Кьярваль.

Невольный вздох вырвался из груди, сил испытывать какие-либо эмоции по поводу редющего числа здоровых знакомых не было, осталась только гнетущая досадная усталость.

– Без проблем. Ты знаешь, как я люблю ее зону, а когда закончу, загляну проведать, напою горячим и завтра сообщу о ее состоянии, – Хана упала на валяющийся в ее импровизированном

кабинете напольный пуф. Здесь она могла передохнуть от нещадной влажности тропической зоны, существенно превосходящей даже их, подземную.

– Приятно, когда работники понимают с полуслова, – и, как всегда без лишних формальностей и пустой болтовни, Кьярваль удалился. Если бы Хана решилась обсудить свои метания и поделиться происходящим за последние дни, выбирать бы не пришлось. Человек дела, руководитель, она уверена, не стал бы паниковать и бить тревогу оттого, что кто-то дерзнул думать иначе, чем остальные жители. Девочке даже стало интересно, как бы отреагировал на откровенный рассказ Кьярваль, однако такой легкомысленный интерес сейчас лучше подавить. Хана переделалась в высокие плотные ботинки, заканчивавшиеся в десятке сантиметров над лодыжками плотно прилегающими резинками во избежание попадания маленьких ядовитых подопечных в обувь. Надела свободный хлопковый комбинезон с ремешками на плечах и шортами. Защищать кожу температура зоны не давала возможности. В карман закинула специальное снотворное для насекомых в виде аэрозоля на случай, если потеряет контроль над ситуацией.

Закончив нехитрые приготовления и нацепив на одно плечо рюкзак со всем необходимым, Хана открыла прозрачную тяжелую дверь в Тропики. Тяжесть жары приятно опустилась на ее плечи. Казалось, что тепло вместе с влагой впитывается через кожу, попадает в остывшую кровь и разносится по организму, даря спокойствие. Разлепив глаза, Хана заметила между деревьев за мембраной синие переливы. Девочка пересекла прозрачную защиту и разглядела трех приближающихся голубых морфо. Это были бабочки с крыльями, переливавшимися от нежно-голубого до темного сине-зеленого оттенка, с размахом около пятнадцати сантиметров. Одна из них сделала одолжение и величественно опустилась прямо на голову девочки, подрагивая крупными крыльями. Хана ощутила, как шесть лапок погрузились в ее волосы, и замерла, задержав дыхание. Два других крылатых насекомых обеспокоенно закружили вокруг присевшей отдохнуть спутницы, и та лениво поднялась в воздух. Девочка перевела дух, понаблюдала, как синие блики исчезают между стволами и стала пробираться вглубь обильных зарослей.

Необходимо было предварительно сдвигать подошвой листья над местами, куда собираешься ставить ногу, на предмет притаившихся обитателей. А они оказывались там почти всегда, всвязи с чем преодоление даже небольшого расстояния становилось весьма долгим процессом.

Сегодня задачей Ханы было обойти все гнезда двух видов пауков и, стараясь не тревожить взрослых особей, посчитать и изучить паучьи яйца, а также проверить условия для благополучного вылупления паучков.

Первый пункт – голиаф-птицеед. В её зоне имелось с десятков нор этих 30-сантиметровых гигантов. Впечатление они производили внушительное, особенно когда шипели своими хелицерами. Но если и кусали, то вреда приносили немного – пара дней отека да неприятные ощущения. Приметив первую нору, Хана опустилась на колени и скинула рюкзак: она тут надолго. В коконе голиафа умещалось до сотни яиц, а кроме того, нужно было ещё аккуратно вскрыть кокон, чтобы потом реконструировать, склеив края специальным веществом из тюбика, почти идентичным по составу паутине. Трогать яйца пальцами было запрещено, и Хана использовала крупную кисть, чтобы расположить яйца удобно для пересчета, а также стряхнуть мешавшую грязь. Насчитав с полсотни потенциальных паучат, Хана починила кокон и вернула его в нору. Обойдя все оставшиеся гнезда, ей удалось сегодня не нарваться ни на один укус. Заполнив данные о количестве и характеристике яиц последнего кокона аргиоп – полосатых бело-зеленых небольших пауков, девочка присела на лежащую ветку. Лес вокруг шелестел и подрагивал: в Тропиках помимо многочисленных насекомых жили также земноводные и грызуны, дабы поддерживать биоценоз, подобный естественному местообитанию насекомых и паукообразных.

Да, статистическая часть работы не казалась самой интересной, но риск быть укушенной не давал заскучать. Рассмотрев зигзагообразный рисунок из кружева аргиопы, похожий на цветок, Хана поднялась. На третьем этаже ждали муравьи.

В рабочей камере Линн Хана переделалась в сплошной комбинезон с капюшоном, скрывавший всё тело вместе с лицом, кроме глаз. К коже лба, висков, щек и переносицы с внутренней стороны края выреза крепились липким составом. Благодаря нему ткань плотно прилегала к лицу, не оставляя ни единого отверстия. Третья зона была рекордной по численности подопечных в Штрудхарте, подопечные эти славились быстротой, коллективностью и изощренными инстинктами в отношении врагов. Муравьи в случае беспокойства и разрушения их дома животным, боролись не на жизнь, а на смерть, проникая через любые отверстия в организм и дрейфуя по сосудам с током крови к мозгу. Врага парализовывало и огромная семья получала питание на долгое время ценой определенного количества муравьев-солдат. Благодаря костюму с работниками фермы такого пока не случалось. Рукава костюма заканчивались для удобства перчатками. Материал был плотным, но дышащим. Правда Хана знала, что жарко будет все равно, так как уже заменяла Линн.

Вначале безопасной тропы за мембраной высились земляные насыпи, представляя собой срез ходов и «помещений» муравейников, а затем плавно сходили на нет. В конце тропы высота поверхности за мембраной сравнилась с тропой, по которой шла Хана, и девочка пересекла мембрану с двумя баллонами на ремешках на обоих плечах и небольшим валиком в руках.

В последнее время численность древесных муравьев, питавшихся смолой деревьев, увеличивалась в геометрической прогрессии. И это было замечательно, потому что избытка еды гардасхольмцы уж точно не испытывали. Но в зоне муравьев небольшие деревца не могли в полную силу разрастись из-за высоты третьего этажа, и наращивание численности грозило скоро прекратиться из-за нехватки смолы. А посему Хана открутила съемную верхушку баллона, обильно смочила валик и стала покрывать ствол первого дерева. Делать это нужно было, не покрывая дерево целиком, для возможности его дыхания, а вскоре ученые обещали закончить устройства для заливания смолоподобной жидкости прямо в сосуды деревьев. Это помогло бы не только обеспечить едой муравьев, а значит и жителей города, но и сохранить жизнеспособность деревьев, которые сейчас пребывали в плачевном состоянии.

Хана оставляла мазки смолы на коре, и после каждого из глубины дерева подтягивались насекомые и суетливо сновали, слизывая смолу и запасая ее у себя в зобиках. Когда девочка закончила с первым деревом, она отошла на пару метров и понаблюдала, как насекомые покрыли всю поверхность коры подвижным слоем. Казалось, будто это муравьиное скопление в виде дерева и сейчас распадется, разбежавшись по своим муравейникам. Чего-чего, а насекомых Хана не боялась, привыкнув к таким масштабным зрелищам за время работы на ферме. Хотя муравьи и были удивительными и вызывали недоумение даже у ученых в летах. Взять хотя бы тот факт, что они умудрялись создать фермы внутри фермы – разводили и оберегали тлю, а затем использовали в пищу, прямо как на поверхности, или выращивали на плантациях грибы в качестве источников белка.

Пока девочка наблюдала за живым трепетавшим деревом, по лбу, на виски и ниже стекали ручейки пота, дышать стало труднее. Нужно было шевелиться, так как воздух циркулировал сквозь ткань костюма очень медленно и не успевал обновляться для комфортного дыхания. А потому Хана мобилизовалась и стала быстро переходить от одного дерева, кишашего голодными крохами к другому, чистому.

Последнее дерево было последним делом на сегодня. Увидев у себя на ресницах правого глаза повисшего отчаянного муравья, Хана привычным движением подставила палец и опустила его на землю. Это происходило уже бессознательно – бережное отношение к каждому насекомому, несмотря на их исчисление в триллионах. Работа вышла по-настоящему «пыльная» – никаких наблюдений за вылупляющимися маленькими насекомыми, постановок хими-

ческих реакций, дегустаций цветочных нектаров для нахождения могущих послужить пищей подопечным.

За Ханой закрылись автоматические двери зоны муравьев, и она, минуя кабинет Линн, прямо в костюме затопала к лифту и нажала на кнопку «-1». Не прошло и секунды, как двери разъехались, и девочка вступила в просторное помещение, полностью покрытое крупной темно-оливковой матовой плиткой, а на стенах размещались крупные лейки. Да, Штрудхарт был единственным местом в Гардасхольме с бесперебойно работающим душем с горячей водой. Крупный зал, приглушенный свет, мягкий оттенок стен, запахи цитрусовых, а также живительная теплая, или прохладная после Тропиков вода служили прекрасным завершением насыщенного рабочего дня. Сначала девочка помыла костюм изнутри, наполнив водой и посмотрев на получившегося пухлого водяного человека, обтянутого костюмом, а после выдавила из диспенсера в стене ладонь апельсинного эфирного масла и намазала костюм изнутри – приятный сюрприз для Линн после выздоровления. Пока она стояла под душем, уже помывшись, в голову пришла незначительная идея, и Хана невольно улыбнулась. На противоположной от душей стене находились ничем необнаруживающие себя ящики, для открытия которых нужно было нажать на них. Внутри обнаруживались свежие полотенца, халаты, белые костюмы, похожие на пижамы. Облачившись один из таких, уставшая Хана двинулась к кабинету переодеваться.

Поскольку говорить гардасхольмцам что-то приятное – гиблое дело, те сразу замыкались в смущении, девочка привыкла делать крохотные сюрпризы и радовать хоть как-то своих знакомых. Переодевшись, на пути к выходу из Тропиков Хана сорвала два клубочка голубых гортензий и спрятала в капюшон просторной кофты.

Линн жила на другом конце города, и путь предстоял не из приятных. Какое-то время Хана шагала по широкой освещенной дорожке, но вскоре свернула на тропу, ведущую к району жилища Линн. Крупная труба висела над головой, толстой змеей уползая в темноту, так что приходилось идти пригнувшись. Ногами Хана полчаса месила воду, перемешанную с землей, пока не дошла, наконец, до района подруги. Это место состояло из рекордных по глубине домов – до тридцати пяти секций. Местные прозвали их ядроскребами. Несмотря на масштабы, это был первый, самый старый район Гардасхольма. Здесь между жилищами отсутствовала земля, по большому счету район представлял собой гигантскую яму с махинами секционных высоток. Если бы они стоились по образу более современных, вырытых прямо в земле, то не замедлили бы обвалиться, так как уже в земляных проходах на -9 этаже над ними бы тяготела масса земли, неудержимая никакими укреплениями. Тут же от поверхности яму отделял слой земли около двух метров, поддерживаемый самими ядроскребами и многочисленными колоннами между ними.

Дома соединялись друг с другом посредством веревочных мостиков, по одному на каждые пять этажей. Для освещения все канатные перила вокруг обвивали гирлянды теплого желтого света, ибо их лампочки были изолированы от влаги лучше, чем фонари, и служили дольше. От сочетания длинных колонн, таких же длинных, убегающих вниз, но «худых» и обветшавших многосекционных домов и повсеместных теплых желтых огоньков район ядроскребов имел весьма сюрреалистичный вид.

Он строился для огромного количества людей и должен был расширяться, но когда выяснилось, что население прирастает крайне вяло, а вот умирают люди охотно, необходимость в таких размерах отпала. И теперь больше половины квартир в секциях пустовало.

Линн жила в -23 секции, и пока Хана делала осторожные шаги по качающемуся мостику, а над головой и под ногами разверзлась темнота, кое-где с золотистыми змейками гирлянд, в памяти мелькнули спешащие по небу, стремительные облака, окруженные сияющими рамками из солнечного света. Словно ширмы, прикрывающие огромный, слишком яркий и горячий шар. О том, что за сила гнала эти пушистые клубы, память предпочла умолчать.

Оказавшись в нужном доме Хана спустилась по внутренней лестнице с -20 до -23 секции и постучала во входное окошко. Дверь открыло существо, в котором разглядеть Линн оказалось не просто – желтоватая кожа, лимонного цвета белки глаз, вздутый живот, заметный даже под пижамой. Хана тут же взяла подругу за руку и повела к кровати. Лицо ее отекло, в комнате стоял неприятный едкий запах, а когда девочка обвила запястье коллеги, почувствовала, насколько слабым нитевидным был ее пульс. Сейчас Линн была яркой во всех смыслах иллюстрацией того, почему жители стремились покинуть район. Здесь к проблемам дыхания добавлялись постоянные расстройства пищеварения и скачки давления, слабость и недомогания от бактерий и плесени. Линн было двадцать два года и жила она одна. Ее подруга поняла, что отварами поить уже бесполезно и нужно как-то дотащить девушку до своего дома. Пока же она взяла с прикроватного столика тканевую салфетку и стала промакивать влажное лицо неестественного цвета. Девушка походила на хрупкого олененка. Наружные уголки больших глаз располагались существенно ниже внутренних, из-за чего даже веселая улыбка излучала нотку печали. А маленькие собранные губы имели алый оттенок, в сравнении со всеми остальными горожанами. Правда, сейчас трансформировались в оранжевые, под стать остальной палитре лица.

У выхода стояла небольшая тачка, которую Линн обычно использовала для вывоза обвалившейся земли, и Хана тихонько выдохнула. Это не идеальный транспорт для перевозки людей по веревочным мостам и месиву тропы, но все же хоть немного облегчало задачу. На спине девочка недалеко унесла бы подругу. Полазив в шкафу, Хана откопала пару одеял потолще и посуше того, что обмякло на кровати, и постелила одно из них на дно тачки. Подкатив ее к Линн, подмигнула, поймав случайный взгляд.

– Я не поведусь снова на твои авантюры, беспокойное создание, – заскрипела Линн, приподнимаясь в кровати. – Даже не думай, мы не проедем так и десятка метров, – добавила, с помощью Ханы опускаясь на одеяло в тачке. Вторым одеялом Линн укрылась, а на живот ей лег нежный голубой клубок. Лицо девушки потеплело и расслабилось. Из-под одеяла высунулся желтоватый паук на лапках-пальцах и пополз, охотясь на цветок, а, настигнув добычу, мгновенно скрылся под тканью. Хана наблюдала с приподнятыми бровями, а после развязки этой остроюжетной сценки взялась за ручки импровизированного транспорта.

Путь был долгим и тяжелым, во время него Хана успела испытать большую часть существующих эмоций: отчаяние, раздражение, отрицание, воодушевление и принятие. Но они сменяли друг друга, похожие на смутные настроения, не имея конкретных очертаний. Хана назвала бы цвет своего настроения, но не смогла бы охарактеризовать его более конкретным словом. То с тачки слетит колесо, то у Линн начнется приступ лихорадки, но кое-как за пару часов они добрались до жилища Берге и Ханы. За всё это время на пути никто не встретился – все затаились дома. Одну эмоцию девочка распознавала точно – злость. После общения с Марсом она уверилась в том, что люди должны смело и открыто взаимодействовать, не прятаться по норкам и не опускать глаза. Хана еще не поняла нового друга, не покидали сомнения в действительности произошедшего, но мощные волны пронизательности, силы и сочувствия пусть и разбились о ее смятение и страх, но даже долетевшие мелкие брызги взбодрили и дали пищу ее размышлениям. Как-то интуитивно девочка ощутила, что их способ жизни противоречит человеческой природе. Таким образом, за мысленными рассуждениями, Хана и не заметила всей физической тяжести процесса спасения подруги, и злость заставила её разом сделать то, от чего выдохлись бы пара самых крепких, насколько это возможно, гардасхольмских мужчин.

На шум и звук знакомого голоса Берге открыла дверь и помогла втащить Линн. Мама приобрела более или менее здоровый вид. На шее намотан шарф, кровать заправлена и сухая.

– Сегодня же день вентиляции, забыла? Я всё высушила. После трав, которые ты принесла в последний раз, мне стало легче. Где ты их взяла? – Хана ничего не ответила и упала на

кровать Берге, как мешок картошки, только теперь почувствовав усталость и жжение в мышцах.

Мать увидела тачку с полуживой Линн:

– Первым делом – сухая постель и свежие теплые калории. – Берге взялась приводить общую подругу в чувство.

Глава 9

Наощупь добредя до Тахиярви, Марс хотел было повалиться, но мужская половина невольных постояльцев дома Калле собралась зачищать многочисленные пепелища. Сонного мальчика тут же приобщили к работе. Наверное, так даже лучше. Во время тяжелой, а от лице-зрения изменившегося облика города и гнетущей работы, все имели озабоченный вид и почти не разговаривали. Механические действия послужили возможностью проснуться и обдумать предстоящий непростой разговор с Калле. Работали до изнеможения, ломали почерневшие бревна, выкорчевывали остатки фундаментов, свозили пепел к одному условленному месту. Сегодня всем было странно не заниматься привычными делами, время замедлилось, чему способствовала пасмурная погода. К полудню разобрались примерно с четвертью домов и стали возвращаться.

Дома женщины и дети уже начали готовиться к обеду. Марс вошел в столовую: кипела слаженная работа. Дети мешали содержимое кастрюль, мыли и вытирали посуду. Самые крохотные окружили печь, и, поддерживая ладошками подбородки, следили за сохранностью пирожков. Всем известно, что это самая почетная и ответственная роль на кухне. В гигантской сковородке уже настаивалась под крышкой и дожидалась остальных блюд паста со сливками и ветчиной. За столом Эир нарезала томаты и травы для целого чана салата, а тем временем Вива – девочка десяти лет – мыла овощи в миске с водой и исправно подавала их маме. Когда приготовления были закончены и стали накрывать на стол, происходящее вовсе вышло из-под контроля и представляло собой хаос – все друг другу что-то передавали, громко давали ценные указания, гремели посудой. Каждый играл ключевую роль, без которой эта симфония шума не имела бы места быть. Сердце Марса чуть заметно сжалось – это напомнило ему большую семью, о которой он всегда мечтал.

Спустя бесконечность весь состав наконец разместился в длинном помещении столовой. Сияющие лица не могли скрыть, как все счастливы оказаться за одним столом и участвовать в этом балагане. Сидящие на соседних стульях помогали друг другу добыть нужную миску, дети хихикали в оживленной болтовне. Марс, тонкочувствующий и перенимающий настроения окружающих, сейчас усыпил свою бдительность – очевидно, что людям всепоглощающе хорошо, и мальчик расцвел. Пока глаза в безмятежном любовании и разглядывании соседей не набрел на Калле. Тот присоединился к трапезе незаметно, в суматохе сервировки стола.

Смуглое лицо будто посерело, взгляд перехватили по-прежнему выворачивающие наизнанку черные глаза. Было похоже на то, что это не Марс решил поговорить с женщиной, а наоборот. Мальчик просто кивнул, в ответ получил то же и продолжил есть. Условились после обеда в кабинете.

Влившись еще раз в суету хора голосов, поучаствовав в уборке и мытье посуды, Марс выдохнул у двери Калле. Коротко постучал двумя костяшками пальцев и, не дожидаясь ответа, заглянул. Мужчина, не поднимая глаз, мягко закрыл дневник, в котором писал пару секунд назад. На носу у него сидели аккуратные прямоугольные очки. В них горячий восторг глаз укроцался, а остальные черты лица становились еще более изящными. В ногах лежал огромный, в несколько раз больше Калле, пес. Марс устроился у камина напротив собеседника.

– Ты единственный, с кем я могу обсудить некоторые темы.

– Например, исчезновение твоего отца и поджоги неизвестной этиологии? – Калле поправил очки указательным пальцем, его миниатюрные очертания тонули в глубоком кресле. – Пора

взрослеть, мальчик мой, и я не только о тебе. Если быть честным, то даже моей семидесятилетней кухарке, как и остальным тахиярвцам.

У Марса невольно приоткрылся рот. А он зачем-то часами придумывал окольные пути, нейтральные способы незаметно подойти к теме. Давно пора привыкнуть, что с Калле можно забыть о продуманных заранее диалогах.

– Ты имеешь в виду...

– Да, всё не под контролем. Чем сильнее паника и смятение в душе у взрослых, тем сильнее они кичатся перед детьми своим всезнанием и показным спокойствием. Это инстинкт. Мы должны вас защищать, а для этого стать непререкаемыми авторитетами. Я видел, как ты маешься и тяжело миришься с бесхитростными отговорками матери. Слишком уж много ты замечаешь, не могу не позвать тебя с собой. – Марс обмер, Калле слабо улыбнулся и приподнял очки на лоб. – Проблемы текут к нам из Венеции. Ангард и еще несколько лидеров нашего города застряли именно там. Там обитают такие же «уверенные взрослые» по отношению к нам, «детям», черт бы их побрал. И твой отец взбунтовался совсем как ты. Убрать вашу разницу в размерах и физическом возрасте, и можно будет поставить знак равенства.

– То есть там есть управляющие нами люди, и они тоже чем-то напуганы?

– Подозреваю, что так. Это в нескольких днях дороги, у нас есть пара отменных коней. Предлагаю распознать в наших соседях не менее пытливых и шилозадых.

– Ха-ха. Одну такую я уже нашел, вот только она не совсем наша соседка. Думаю, вы догадываетесь, что младшее поколение подозревает о существовании жизни вне города. Я познакомился с жительницей подземного города на другом берегу реки. Она панически боится ветра и падает в обморок от яркого солнечного света, но это все только физическое. Я заметил в ней главное – усталость и злость от постоянного страха и недоговоренностей. Слишком хорошо знакомо это чувство, разгляжу и с противоположного берега.

– Значит, знаешь про подземку. Удивлю тебя, если скажу, что пара лучших ученых оттуда – мои приятели в прошлом? – и, не дожидаясь ответа, – стержень и недовольство твоей знакомой – это здорово, но как она будет переносить дорогу? Организм быстро перенастроился на подземное существование, а их дети вовсе могут умереть при резком изменении условий.

– Хану готовили для надземных экспедиций, но не срослось. Так что все детство она систематически посещала поверхность. Она очень паникует, но если сосредоточиться на спокойствии, говорить обнадеживающие вещи, я чувствую, как напряжение спадает. Кроме того, у нее есть защитное снаряжение – костюм, очки. Мне кажется, если несколько дней подряд систематически гулять и заниматься с ней, объяснять, успокаивать и страховать, то ее будет не узнать.

– Удивительна твоя уверенность. И этим займешься ты?

– Боюсь, тут мои способности – мои враги. Я непроизвольно перенимаю некоторые ее эмоции, они слишком сильные. Конечно, большинство времени я непреклонен, но иногда самому начинает казаться, что ветер дует слишком громко, – поежился Марс.

– Понимаю, но проблема в том, что если мы попросим об этом твою противоположность – самого толстокожего из готовых помочь, затея обречена на провал. Менее чувствительный человек не переймет ее страхов и не поймет до конца, будет считать надуманными. Здесь все же нужен ты. Вы договорились о встрече?

– Да, завтра на мосту.

– Я пойду с тобой и понаблюдаю за вами. Сначала незамеченным, а потом, если будет позволять ситуация и состояние твоей знакомой – покажусь. Подумаю, чем можно помочь, – Калле откинулся на спинку кресла и вернул очки на переносицу.

– Только не забудь надеть солнцезащитные очки. Твои прожигающие взгляды ей пока точно не по силам. Она вообще не умеет смотреть в глаза.

Калле приподнял брови, собравшись было язвительно отреагировать, но передумал и просто прикрыл глаза в знак согласия. Марс понял, что разговор завершен, и пора покинуть кабинет, хотя и не хотелось. Здесь пахло причудливыми духами, ни на что не похожими, заставлявшими вдыхать глубже, немного восточными. Кожи правой половины лица слегка касался жар огня из камина. Но главное, его безмерно радовало разделить наконец с кем-то свои мысли. Он знал в Калле любовь к абсолютно любым людям и не ошибся.

– Кстати, не забудь покормить рыб в своей комнате. Корм в нижнем ящике стойки с аквариумом, – раздался в половину силы уже сонный голос из недр глубокого кресла.

– Будет сделано, – Марс лениво поднялся и вышел из кабинета.

Покормив рыб, мальчик впервые незаметно провалился в сон, без метущихся и сверлящих мозг мыслей и предчувствий. Утром Эйр заглянула разбудить его: на часах 4:10 и мужчины уже собрались в столовой на завтрак перед второй частью работ на пепелищах. Не проснувшись, но приняв в кровати вертикальное положение туловищем и свесив ноги на противно холодный пол, Марс тягостно напяливал штаны. Нашел ванную второго этажа и умылся. К моменту, когда он спускался на завтрак, стало легче, в голове прояснилось от холодной воды. На столовую опустилась тяжесть: к сонным лицам механически подносились вилки с жареными сосисками и омлетом. Только двое негромко переговаривались, обсуждая фронт работ на сегодня. Между стульями неспешно плавала крупная фигура Фриты, убирающая грязную посуду. Марс из дымящейся кастрюли налил себе пару половников манной каши. Первая ложка обожгла язык. Ничего общего со вчерашней веселой суетой и ощущением себя частью одного сплоченного целого за обедом.

Тут на кухню впорхнул Калле. Элегантно одетый, свежий, сна ни в одном глазу. Он пожелал всем доброго утра, оставил пустую чашку из-под кофе и так же энергично, насвистывая что-то себе под нос, улетучился. Как не верить после этого в связь между внешним видом и внутренним состоянием? Так редко встречаются люди, излучающие полную внутреннюю гармонию. С начала подросткового возраста Марс формировал себя, поглядывая на Калле, отчего самолюбие покалывало в недовольстве. Но пример был более чем достойный, и мальчик ничего не мог с собой поделать. Беря себе черты и привычки от других людей, он не чувствовал кражи. Воспринимал это так, будто присоединяет к себе недостающие детали, обретает себя настоящего. Некоторые трансформирует ближе к себе. Формирует и собирает как пазл.

Но пора было вернуться к возрождению городка. Тяжелые часы работы пролетели незаметно. Сегодня рабочие мужчины ожили: утро прошло в песнях, подначивании друг друга и шутках. Только под конец, к обеду, затихли от усталости. Марс находился в режиме ожидания сегодняшней встречи. В нем густо разрастался интерес, как Хана примет Калле и отреагирует на его сумасшедшую идею.

Глава 10

В секции Берге и Ханы Линн заметно побелела и уже не так сильно контрастировала ярко-желтой кожей с тусклыми окружающими оттенками. Горячий обед и лекарства сделали свое дело. Хана посмотрела на дремавшую подругу. Как здорово было бы взять ее с собой на мост, ведь она – один из самых надежных людей. В Штрудхарте они постоянно выручали и помогали друг другу. Но реальность была такова, что за свои двадцать два года Линн ни разу не покидала подземелье. Резкий порыв ветра переломит лодыжки-спички, а солнце мгновенно иссушит почти прозрачную кожу. Но самое страшное даже не это, а то, как действует природа на психику, привыкшую к темноте, тишине, отсутствию любых раздражителей спокойствия. Даже ей, все детство регулярно поднимавшейся, это известно. А для хрустальной куколочки-подруги случится яркий взрыв, первое и последнее впечатление. А потому пришлось пресечь мысли о Линн, осваивающей поверхность, на корню. Хане самой еще нужна помощь и огромная работа, и проводник из нее вышел бы никакой. Но несмотря на то, что пребывание наверху для нее пока практически одна борьба, ей уже много чем хотелось поделиться с гар-

дасхольмцами. Хана заволновалась, вспомнив, что завтра будет что-то новое, встреча с Марсом и информация, возможно, собирающаяся изменить ее жизнь. До назначенного времени оставалась ночь и день в Штрудхарте. Чтобы ускорить его приближение, девочка умылась и аккуратно прилегла на кровать к больной подруге. Завтра вновь предстояло переделать дела на двух зонах, а потому нужно будет работать быстро, чтобы успеть на мост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.